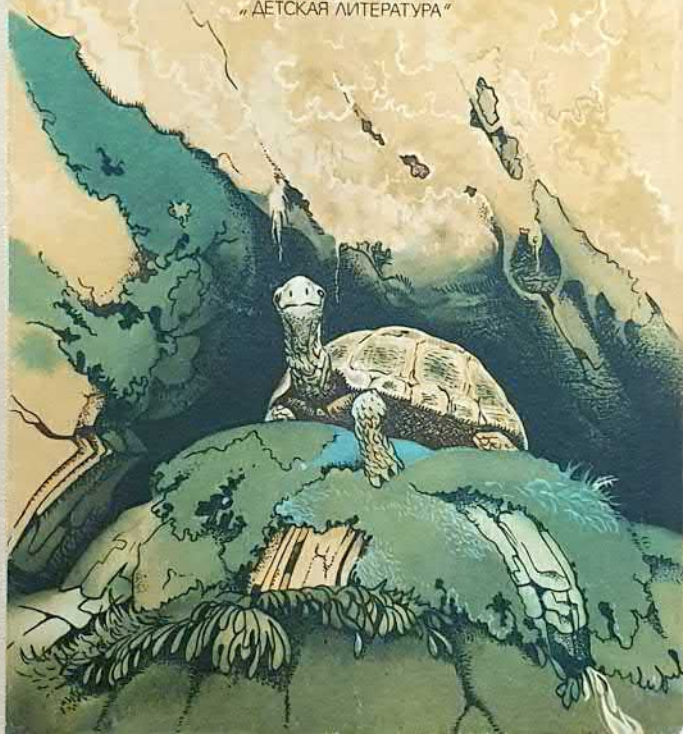
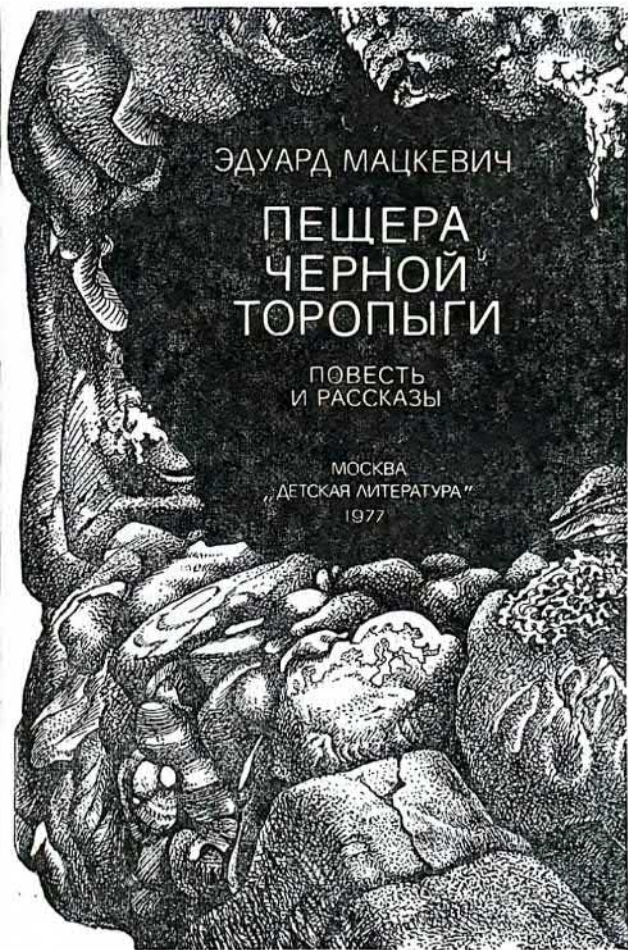
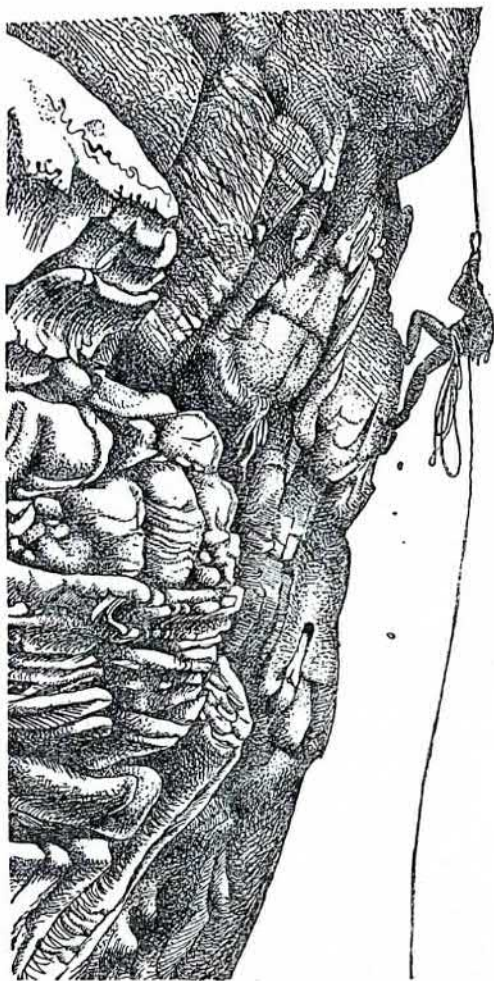

ЭДУАРД МАЦКЕВИЧ

ПЕЩЕРА ЧЕРНОЙ ТОРОПЫГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ЭДУАРД МАЦКЕВИЧ

ПЕЩЕРА ЧЕРНОЙ ТОРОПЫГИ

ПОВЕСТЬ
И РАССКАЗЫ

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1977

P2
M36

РИСУНКИ
А. ИВАНОВА

ЖЕЛЬТУРАНГА

Повесть
о жизни и удивительных
приключениях Серебристого Уса,
достойного представителя
ондатрового племени

М 70803—236 265—77
М101(03)77

© Состав. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

КАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ

— Жельтуранга — камышовая страна, — сказал пилот и повел гидроплан на снижение. Земля казалась светло-желтой от сплошных зарослей камыша, разбитых темными россыпями озер и стариц. Узкие путаные протоки вспыхивали серебристым светом и гасли.

Гидроплан шел все ниже и ниже. Уже были видны гнезда серых цапель и пеликанов; поднялись в небо потревоженные бакланы; черные вороны сорвались с одинокой ивы, стоящей на самом краю озера, и с криком в панике помчались в сторону от страшно гудящей неведомой птицы.

А гидроплан сделал крут над широким плесом, сбивая золотистые метелки камыша, коснулся водной глади и, оставляя за собой высокие волны, круто развернулся и затих у песчаного берега.

Издали доносились крики перепуганных обитателей камышей, которые торопились уйти подальше. Утки, летящие на жировку, увидев непонятный предмет, с тревожным воплем резко взмывали вверх, будто подхваченные ураганом.

Два человека вышли из гидроплана и выгрузили на песок деревянные ящики. Справившись с работой, они стали открывать заслонки ящиков. На берегу закопшились пушистые темные комочки. Они неуклюже подкатились к озеру, плюхнулись в воду и поплыли, остав-

ляя за собой длинный широкий след. Зверьки оказались хорошими пловцами. Они пересекали озеро не хуже утки или другой птицы, живущей на воде.

Озеро было большим, со всех сторон в него втекали протоки, заросшие камышом и рогозом. Зверьки быстро расплывались в разные стороны.

Скоро темные точки скрылись из виду.

Пустые ящики погрузили в гидроплан. Он взревел мотором и, поднимая водяную пыль, ушел на запад, качнув крылом Жельтуранге.

Жители камышей постепенно оправившись от страха. Серый гусь, стоявший на часах все это время на густой кочке, подлетел к гнезду и, радостно сказав самке «танг», ласково щипнул клювом пух на ее голове. В гнезде у них было пять больших серо-зеленых птенцов.

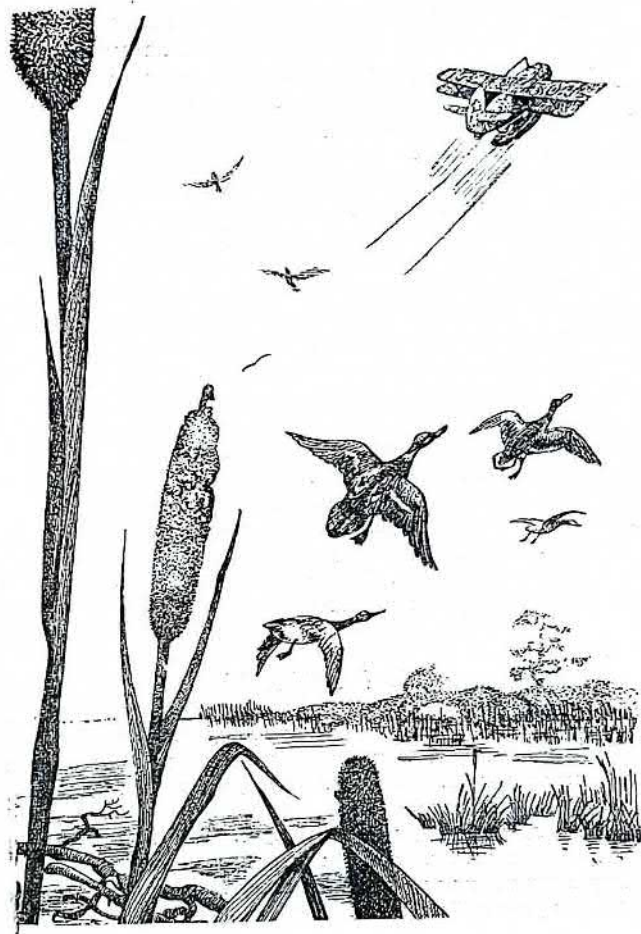
Кряква, которую терзал жестокий, ненасытный голод, бросилась жадно объедать молодые побег тростника.

Орлан-белохвост, тоже напуганный, из-за своей лени не ушел далеко от гнезда и сейчас в два взмаха крыльев достиг кустов тальника, где в небрежно построенном жилище из толстых сухих веток брали трое прожорливых птенцов. Он накрыл их крыльями и задумался, уставившись немигающим оранжевым глазом на воду: отправиться ли ему на рыбалку или полететь в сторону желтых барханов, где у зайца-песчаника появился выводок, который можно легко перетаскать? Солнце пригревало, по протоке тянуло свежим ветром, и орлану вовсе не хотелось мочить крылья.

Вороны вернулись, на этот раз молча, и заняли на нве свой наблюдательный пост.

Завздорили в камышовом займище лебеди-кликуны.

Баклан, уже много раз успевший нырнуть, поднялся с большим сазаном, но не справился, и рыба,

сверкнув в воздухе, полетела вниз. Ее на лету подхватил другой баклан. Противники сцепились на песчаной косе. Вороны подвинулись поближе, ожидая удобного момента, чтобы стащить добычу. Все шло своим чередом, и скоро жители Жельтуранги совсем забыли про большую птицу. А на маленьких зверьков, что скрылись в камышах, никто не обратил внимания.

Только старая щука, которая жила на озере уже полсотни лет и подозрительно относилась ко всяким новшествам, пристально следила за странными пришельцами. Она неторопливо плыла за парой зверьков метрах в четырех позади. Иногда она подходила так близко, что незнакомцы оказывались над ней, и щука, плывущая в глубине, могла их хорошо разглядеть. Пришельцы старательно гребли задними лапами, когтистые пальцы которых были соединены перепонками; на передних торчали длинные острые когти.

Зверьки выруливали узким и плоским хвостом, иногда останавливались, неслышно ныряли и умело плыли под водой. Когда щука попыталась схватить оставшего за лапу и утянуть на дно в тину, зверек зацокал и заскрежетал зубами. Увидев длинные острые резцы, она резко крунула хвостом и пошла на глубину.

ЗОВ РОДИНЫ

Увезите взрослую собаку или кошку из дома. Она обязательно вернется к родному крыльцу, если не погибнет в дороге. У всего живого чувство дома — самое сильное и святое.

Птицы, улетающие на зимовку в чужие страны, возвращаются к оставленным гнездовьям. Рыба мечет икру в верховьях рек, где сама когда-то появилась на свет из крохотной икринки.

Ондатры, которых люди выпустили в Жельтуранге, плыли, задрав вверх черные головки, судорожно нюхая воздух, стараясь уловить знакомые запахи. Они приставали к берегу в надежде найти заросли сочной осоки или встретить в зеленой ряске привычную кувшинку.

Двигаясь уже несколько часов, они совсем выбились из сил, но так и не нашли ни одного белого цветка. Вода в протоке была теплой, солоноватой, и кувшинки здесь не росли с тех самых пор, когда большие дожди много лет назад смыли всю соль с пересохших такыров в озеро.

Солнце светило так ярко, что не было никакой возможности передвигаться. Можно, конечно, переждать в камышовом заломе, пока не наступит вечер. Но чувство дома оказалось так велико и желание найти знакомую прохладную струю и уютную хатку, что стояла когда-то у поваленной в воду осины, пересилило усталость, голод и страх.

К счастью, хищники, насытившись утренней добычей, лениво дремали в укромных местах — ждали, когда наступит прохлада. Окончательно обессилив, зверьки выбрались на первую попавшуюся сплавину. Расчесав шерстку, они полакомились свежими корнями рогоза, который пришелся им по вкусу. Передохнув, они снова бесшумно скользнули в воду.

Иногда им казалось, что вода стала холоднее, и они замирали на месте, оглядываясь с ожиданием. Но вокруг сплошной стеной стояли сухие камыши, небо было чужим, синим и бездонным; горячий ветер, перелетев через желтую стену растений, поднимал на воде легкую рябь. Вода была холодной не из-за течения, к которому они привыкли, а от ключей, что в беспорядке встречались в протоке, поднимая со дна мелкий песок. Не раз зверьки подныривали под свежую струю, и тогда им становилось немного легче.

Пищи было предостаточно. Ондатры попробовали побегать камыша, осоки, кубышки, ужатника, даже раковины моллюсков-трезубок, которые они нашли на песчаной отмели. Они могли давно построить удобный дом. Вокруг было столько подходящих мест: крутые берега, бугуты, густые сплавины, но непонятное беспокойство еще не покидало зверьков. Они всё надеялись увидеть родные места. Иногда им казалось, что они встретили знакомую кочку и займище, очень похожее на то, где они жили прежде. Зверьки смело поднимались на берег, забыв осторожность, уходили в камыш, пригнувшись, долгое время неуклюже ковыляли по суше, открывая для себя другие водоемы, разделенные только неширокой полоской тальниковых зарослей.

Однажды в сумерках они встретили зверя, которого прежде никогда не видели. Зверь смотрел на них зелеными горящими глазами. Ондатры заторопились уйти. Но незнакомец вдруг одним прыжком наступил на них и ударил одного лапой. Удар был настолько сильным, что зверек отлетел в сторону. Он успел почувствовать, что лапа не только тяжелая, но и вооружена острыми когтями. Это был камышовый кот-манул.

Ондатры стали осторожнее. Они плыли больше по ночам, реже удаляясь от берега. Обследовав несколько водоемов на пути, они, наконец, вошли в неширокую полноводную речушку и поплыли вниз по течению.

Прошло несколько дней, когда зверьки увидели широкую мутно-желтую реку с быстрым течением. Вдоль тянулись невысокие черные скалы или вдруг открывались пологие песчаные берега, дышащие жаром. Тростник встречался все реже и реже. Место было открытое, и плыть стало скучно. Отчаявшись и потеряв всякую надежду найти старый дом, зверьки повернули назад, к устью неширокой речушки, и, встретив подходящую сплаvinу среди камышей, занялись постройкой жилья.

Место оказалось гораздо хуже, чем в Жельтуранге, откуда они начали свой путь. В птичьем царстве было больше водоемов и зарослей, там легче было спрятаться и проще найти пищу. Наверное, потому люди и привезли зверьков не куда-нибудь, а в Жельтурангу. Они очень бы удивились, встретив ондатровую пару в 150 километрах от камышовой страны, в притоке реки Или, которая несла свои желтые от ила воды в пресносоленое озеро Балхаш.

Новоселы стали строить хатку на сплаvine около старой поваленной нвы.

Их прежние жилища на Соловецких озерах, на самом севере России, тоже стояло у дерева, когда-то во время грозы поваленного в воду ветром.

Первая ондатровая пара, построив хатку, благополучно вывела потомство. И уже первое потомство новоселов и представления не имело о Соловецких озерах, так же как пара, выпущенная в Жельтуранге, не помнила озер штата Айдахо в Северной Америке, откуда пошли их прародители. Для ондатрового племени, поселившегося в Прибалхашье, не было ничего дороже их камышовой страны с теплой водой, долгими солнечными днями, прохладными ночами, густыми сплаvинами, сочными побегами рогоза, корни которого можно было доставать даже глубокой зимой.

СЕДОЙ И ЧЕРНОСПИНКА

Прошло несколько лет. Неширокую речушку давно затянуло песком и камнепадом селевого потока, что однажды весной ринулся с Джунгарских гор. Речка поменяла русло. Во время слабых паводков некоторые

водоемы пересохли, обнажив глинистое дно, потрескавшееся под лучами пустынного солнца. Случалось, что среди жаркого лета вдруг приходила большая вода и затопляла пойму, возвращая к жизни старые озера и рождая новые. Это таяли ледники в далеких горах, наполняя до краев бурные речушки, что бежали в долину навстречу с Или. Водоплавающим приходилось время от времени искать новые места.

...Зима выдалась теплой, а весна — ранней. Уже в начале марта прошла шуга и Сухая протока открылась полностью. Стали прилетать птицы, и камыши с каждым днем наполнялись криком и гомоном. Началась сумятица и в ондатровом племени. Прошлогодние выводки побросали свои жилища. Для них начиналась новая жизнь. Родители ничего не могли передать, кроме извечных инстинктов, и всему учиться приходилось самим. Слабые стали легкой добычей лис и шакалов, отоцвавших за зиму, хорьков и разных пернатых хищников, которые раньше построили гнезда и вывели прожорливых птенцов.

Седой нашел Черноспинку в сумерках у частой тростниковой куртины в самом конце Сухой протоки. Уже два дня, после того как открылась вода, он рыскал по всему водоему, никого не встретив. Он даже переполз через дамбу и проплыл вдоль всего берега соседнего озера, но местные самцы отнеслись к нему недружелюбно, и ему пришлось драться. Противник попался молодой, неопытный, лез напролом, устремляюще скрежеща резцами, и с ходу вцепился в мордочку Седого. Тот, не ожидая такой наглости, оторвался от грубияна, резко нырнул и вонзил зубы в его шею.

Несмотря на победу, Седой вернулся к себе в Сухую протоку, где ему были знакомы каждый заливчик и сплавина, где он чувствовал себя гораздо увереннее. И вот тогда, уже в сумерках, его чуткое ухо уловило

призывный писк, тоскливый и нежный. Такой голос мог быть только у одинокой самочки. Седой ринулся изо всех сил в конец протоки. Он плыл, как маленькая торпеда, часто работая задними лапками, оставляя за собой длинную волну.

Седой подоспел вовремя, потому что справа и слева он разглядел вытянутые над водой черные головки соперников, торопящихся к густой куртинке. Он едва успел обнюхать Черноспинку, как ему пришлось подняться на задние лапки и принять боевую стойку. Он угрожающе поворачивался то в одну, то в другую сторону, забыв о болезненной садине на носу, которая до этого тревожила его. Седой приготовился драться не на жизнь, а на смерть, применяя свои излюбленные приемы с подныриванием и подводный бой, в котором не было ему равных в Сухой протоке.

Но драться не пришлось. В полуметре от куртины противники развернулись и, чуть не столкнувшись носами, вцепились друг в друга, вспенив воду и подняв кучу брызг. Увидев на морде соперника воинственно торчащие усы и узнав Седого, они решили, что лучше заняться друг другом, чем рисковать.

Ранним утром Седой и Черноспинка принялись искать удобное место для жилья. Он не вернулся с ней в свое старое жилище на сплаvine, где зимовал вместе со своим выводком и где поселилась сейчас пара молодых. Его подруга однажды не вернулась в хатку. Он пытался найти ее, но ночью выпал большой снег и скрыл все следы.

Седой и Черноспинка не торопясь плыли вдоль крутого изрезанного берега Сухой протоки. Черноспинке не исполнилось еще года. Несмотря на свою молодость, она проявила капризную практичность. Седой облюбовал отличное место в заливчике, заросшем камышом, но его подруга даже не подплыла к берегу. Отвергла

Черноспинка и камышовый залом у высокой илистой кочки. Задержалась она в глухом рукаве у невысокого обрывчика; ползала по берегу, придирчиво обнюхивала каждую кочку, потом уселась на сухой камышовый стланник и занялась туалетом. Ее густая и темная шерстка золотилась в лучах утреннего солнца. Черноспинка мыла мордочку передними лапками, покусывая шерстку. Седой любовался ею.

Пока его подруга чистила и расчесывала шубку, Седой нырнул несколько раз и вернулся на берег с аппетитными кусочками корней рогоза, которые выложил перед Черноспинкой. Она благодарно ткнулась носиком в седые усы супруга. Они начали строить нору. Вход в нее начинался под водой и вел на сушу. В нескольких сантиметрах от поверхности, так, чтобы в жилище попадал воздух, они вырыли пещерку и натаскали туда листьев тростника, размельчив их зубами на крохотные кусочки.

Они отдавали строительству все время, свободное от еды и сна, — надо было рыть новые пещерки и запасные выходы.

Седой многие дни не знал отдыха. Он рыхлил почву острыми коготками, разгрызая зубами корневища трав, все дальше протискивая вглубь свое валкообразное упругое тело, без усталости выгребая перепончатыми лапами-лопатками рыхлую песчаную землю.

Строительство гнезда серьезное дело, но даже это не самое главное, когда собираешься заводить большую семью. Седому и Черноспинке предстояло отстоять свой маленький заливчик от набегов чужаков, которые в поисках свободных участков прочесывали соседние озера и протоки. На подходе к заливу с обеих сторон Седой сделал прогрыз на тростнике: оставил метку, предупреждая других, что место занято.

Но находились горячие головы, которые пренебре-

гали правилами, и тогда Седому приходилось пускаться в ход свои острые резцы. Черноспинка тоже вступала в драку, помогая супругу отстаивать их законные права. У Седого прибавилось несколько шрамов на мордочке и на спине, Черноспинке надорвали ухо, но в конце концов через неделю все утихомирилось и каждый занялся своими делами.

Вечером и рано утром Седой и Черноспинка уплывали кормиться подальше от дома, пересекали протоку, где в густом прибрежном камыше они устроили себе столовую из плетеных сухих стеблей. Такие столовые охотники называют «кормовыми столиками». Зверьки уплывали далеко не потому, что рядом с их жильем побеги камыша и корни рогоза были хуже на вкус: Седой и Черноспинка берегли их для будущих детенышей.

МАЛЫШИ

Однажды утром, в конце апреля, Черноспинка оказалась пойти на жировку к кормовому столику. Седой поплыл один. Когда он вернулся, Черноспинка лежала на влажной тростниковой подстилке. Под боком у нее копошились четыре крохотных живых существа. Они были меньше самой маленькой мышшки-полевки, голенькие и слепые.

Он быстро вернулся к месту жировки, чтобы принести подруге корешков тростника и рогоза. На радостях он взял слишком крупные кусочки и не сразу смог протиснуться с ними в нору. А когда пролез, то увидел, что семейство увеличилось еще на три малыша. Он сложил свои припасы у входа и сунулся было обнюхать своих детей, но Черноспинка грозно посмотрела на него и ошетибилась. Седой поторопился уйти

за кормом. Он отбирал самые сочные и свежие корешки, тщательно полоскал их в воде, отмывая от песка и глины, и, осторожно зажав зубами, торопился к норе, стараясь держать голову высоко над водой. Издали казалось, что по протоке плывет маленький зеленый кустик. Такая работа предстояла ему в течение трех-четырех недель, пока Черноспинка выкармливала детей молоком и не могла покинуть гнезда.

В первую неделю Седой не отличал малюток одного от другого. Все они были гладкие и серые. Лишь через полмесяца, когда новорожденные покрылись аспидным пухлявым мехом и стали проявлять свой характер, Седой научился выделять каждого.

Когда Черноспинка оставляла малышей и подбиралась ближе к выходу, где лежали вкусные стебельки и корешки, запас которых никогда не истощался благодаря заботе папаши, семейство поднимало возню. Малыши обнюхивали все уголки, пытались рыть землю крохотными коготками, забивались на мать, сваливались с ее гладкой спинки, пробовали на вкус самые нежные стебельки, и один из них, Серебристый Ус, наиболее проворный и любознательный, добирался до самой воды.

Он был еще такой легкий, что, когда попытался сушить голову в черную воду и посмотреть, что там, вода вытолкнула его, как пробку. Черноспинка вытащила непоседу из воды, осторожно взяв за тонкую шкурку одними губами, и отнесла в угол на сухое место.

Но Серебристый Ус вовсе не собирался отсиживать в одиночестве. Он подобрался сзади и куснул за хвост Чистюлю, который с рождения только и знал, что вылизывал и расчесывал коготками редкие блестящие волосики. Серебристый Ус куснул Чистюлю беззлбно. У него прорезывались зубы, и ему хотелось все пробовать. Чистюля запищал так пронзительно и обиженно,

что все переполошились: и Неженка, и Пухлявый, и Смородинка, и Серые Ушки. А Злюка даже сжался в комочек и зацокал, подражая взрослым, но его цоканья никто не расслышал, хотя у ондатры очень тонкий слух.

Седому все же пришлось вмешаться, и он ткнул носом забияку. Он толкнул его тихонько, но тем не менее Серебристый Ус отлетел, как пушинка.

Седой вовсе не собирался обижать малыша. У него были все основания выделить малютку. От носа у него во все стороны торчали светлые серебристые ворсинки, и этим он очень был похож на папашу. Обычно мордочка седеет у взрослых, закаленных зверьков. Но чего только не случается в природе! В прошлом году за дамбой в озере Караколь появился совсем белый ондатренек. Правда, бедняга не долго прожил. Он не мог превратиться в маленькую серую кочку и спрятаться от хищников. Он так и не успел ничему научиться, став легкой добычей болотного луня.

В день по несколько раз Седой плавал за кормом. Теперь уже и малыши с удовольствием вонзали свои тонкие, как рыбьи косточки, резцы в сочный суйрюк. Черноспинка все еще не покидала жилья. Конечно, с детьми ничего бы не случилось, выйди она размяться и понежиться на солнышке. Но над Сухой протокой каждое утро пролетал коршун, а неподалеку на холме, у желтого бархана, чернела барсучья нора, а маленькие степные лисички-корсаки, вечно голодные, так и шныряли по берегу. И если с Черноспинкой случится несчастье, то малютки останутся без молока и наверняка погибнут.

В жизни часто бывает не так, как хочется. Однажды ночью затряслась земля, и в норе обрушился потолок, завалив ее землей. Семейство едва не задохнулось. Что-то большое и тяжелое кряхтело и сопело над головами зверьков. Потом земля еще раз качнулась в

сторону, и Седой увидел звезды и услышал громкий треск камыша, разбудивший многих обитателей протоки. Те, кто не спал, наоборот, затаились, прижались к траве, земле, кочкам и замерли.

Это прошел кабан, самый сильный хозяин здешних камышей. Он куда-то торопился, или его потревожили, иначе кабан наверняка бы занялся ондатровой норой, куда провалилась его передняя лапа. Обычно он разрывал норы. Но тут он только хрюкнул, фыркнул, выдержал ногу и, поддев рылом-пятком, как плугом, землю, помчался дальше.

К счастью, малыши лежали под теплым боком матери и дремали. Черноспинка нервно обнюхала всех и не обнаружила Смородинки и Серебристого Уса. Она стала метаться, разрывая коготками рыхлые завалы. Но земля сыпалась сверху, и оставаться в гнезде было опасно.

В это время кто-то еле слышно пропищал. Черноспинка бросилась на звук и вытащила Серебристого Уса. Его сильно присыпало, и он чуть не задохнулся. Потом Черноспинка наткнулась и на Смородинку. Но как она ни тормозила и ни обнюхивала ее, Смородинка не шевельнулась. Кабан наступил ей на голову...

Горе придало Черноспинке силы и решимости. Через пролом в норе она торопливо вытаскивала малышей на берег, где уже у самой воды стоял густой тростник. Седой согревал озябших детей, которые сбились в кучу, пока Черноспинка возвращалась к разрушенному гнезду. Потом вместе они перетаскивали малышей на славину, стоявшую далеко от берега.

Весь остаток ночи Седой подгрызал сухие стебли и строил укрытие. Когда взошло солнце, им уже ничто не угрожало. Попробуй догадайся, что за кустиком, появившимся за ночь на славине, скрывается целое ондатровое семейство. Малышки сидели, тесно прижав-

шись к матери. Они были напуганы незнакомыми запахами и вздрагивали от непривычной свежести. Серебристый Ус припихивался и вытягивал мордочку из-под густой материнской шубки. Ему не терпелось узнать, что там шуршит и плещется, кто там громко кричит и стонет. Это было первое утро в его жизни среди камышей, где, кроме их семьи, жило еще много других птиц и зверей.

Черноспинка все же наведалься к разрушенной норе. Но она уже не нашла там Смородинки. На свежей земле остались только ворсинки серого пуха. Она увидела узкие продолговатые следы. Это приходил хорек — злейший враг всего ондатрового племени. Он часто разрывает норы и нападает на хозяев. Привлеченный знакомым запахом, на этот раз он ничего не обнаружил, кроме Смородинки.

АРСЕНТЫЧ

Кабан встревожился не зря. Как обычно, он начал свой ночной обход от зарослей, что у озера Караколь. Потом выбрался к Сухой протоке и ползая по берегу, подрывая землю и громко чавкая. Он лакомился сладкими корешками. Вдруг хозяин камышей почувствовал непонятный запах. Кабан недовольно фыркнул, прибавил шагу и остолбенел. Прямо перед собой на пригорке он увидел догорающий костер, откуда доносились непривычные звуки.

У костра зашевелились тени. Во весь рост встал высокий человек и стал пристально вглядываться в черноту. Это был охотник-ондатровов Арсентыч. Уже добрых двадцать лет Арсентыч отлавливал ондатру. Был он не один, а с помощником, порывистым молодым человеком, и по всему чувствовалось, что здесь, в камы-

шах, он новичок и каждый непонятный звук и шорох отзываются в нем повышенной настороженностью.

Охотничье хозяйство в поселке Арал-Тюбе каждый год отправляло на меховые фабрики несколько сот тысяч шкурок. Но от этого зверьков не стало меньше. Заметили: как только отлов по каким-то причинам не удается, на ондатровое племя нападает настоящий мор. Желудки лис и разных хищных птиц набиты легкой добычей. Ведь при таком изобилии хищники не трогают всю тушку, а только выбирают самые вкусные и лакомые кусочки. На отмелях и там и сям валялись растерзанные тушки, они-то и могли быть источником разных болезней.

Старые охотники заранее знали, какая добыча их ожидает. Загодя, ранней весной, они объезжали на лодке свои участки и помечали на картах ондатровые хатки.

Арсентьич охотился в Жаман-Коктае и Караколе.

Ни рук, ни времени не хватало у него на Сухую протоку.

Ее не зря называли Сухой. Даже после многоснежных зим вода оттуда скатывалась в низины. В жаркое время протока постоянно мелела, и ондатра уходила в тот же Жаман-Коктал. Но нынешняя весна обещала — вода должна держаться. И к тому же оказалось, что протока неожиданно густо заселена.

Вот почему Арсентьич и Сашка появились здесь.

Арсентьич хотел соорудить еще одну хижину на песчаном холме у протоки, чтобы всякий раз не возвращаться за много километров в Жаман-Коктал, где стояла его маленькая избушка из камыша.

Холмик у протоки был весьма подходящим местом для строительства. Метра на три он поднимался над водой, и даже в большое половодье она не смогла бы достать его вершины. Холмик окружала стена густых

зарослей. В это дикое место редко навевались даже охотники. За камышами, совсем рядом, пряталось большое озеро, куда на заре приходили на жировку гуси и утки. Они пролетали низко, почти над самой головой, и шумно садились на воду, крикая, гогоча и хлопая крыльями. Птицы скоро собирались сесть на гнезда. У них было время радостных весенних песен. Они редко видели людей, и двое на песчаном холме их совсем не пугали.

Арсентьич заранее привез на моторной лодке доски и немного кирпича, чтобы сложить печку. Сашка помогал ему вязать камыш, ставить стенки избы и обмазывать их глиной. Уже на четвертый день они сидели в новой избе у горящей печки, пили крепкий чай и рассказывали разные истории. Пахло непросохшей глиной, в крошечное оконце глядела белая луна.

...Рано утром Арсентьич прошел на веслах по Сухой протоке. Примечая кормовые столики и хатки ондатры, он поставил у себя на карте тридцать крестиков. Попалось ему на глаза и старое гнездо Седого и Черноспинки, около которого он заметил следы кабана. Он тоже его отметил. Самих зверьков он, конечно, не видел. Недоеденные кусочки рогоза и тростника выдавали вход в нору, откуда мог Арсентьич предполагать, что гнездо пустое, что накануне ночью его разрушил пробежавший здесь кабан.

НА СПЛАВИНЕ

Арсентьич и Сашка, построив жилье на песчаном холме и отметив на карте ондатровые хатки, вернулись в Арал-Тюбе, а маленькие зверьки все еще трудились в Сухой протоке. Зыбкая сплавина держалась на стеблях рогоза, уцепившегося корнями за илистое дно.

И всякий порыв ветра и волнение воды раскачивали шаткий временный домик.

Плес у сплавины густо зарос рогозом, но все же Седой и Черноспинка старались брать стебли в стороне от будущей хатки. Мамаша все чаще оставляла малышей и помогала супругу сплавливать к жилью длинные прочные стебли. Домик с каждым часом становился все выше и выше. Его уже можно было заметить среди камышей. Он походил на рассыпанный сноп.

Седой все таскал тростник и укреплял жилище, а Черноспинка заделывала изнутри щели грязью и мхом. Она много раз ныряла и плыла к берегу за илом. И тогда малыши оставались одни.

Серебристому Усу не терпелось посмотреть, куда пропадают родители, и, уловив момент, он устремился за Черноспинкой, изо всех сил работая лапками.

Вокруг было так ярко и светло от солнца, что Серебристый Ус с непривычки зажмурился. А когда открыл глаза, то увидел рядом Пухлявого. Немного отдохнув, малыши поплыли к островку Три камышинки.

Это был вовсе не островок, а скорее небольшая кочка, на которой торчало несколько стебельков. Они вылезли на нее, отряхнулись и впервые по-настоящему огляделись по сторонам. Сверху было голубое небо, в воде плавали блестящие кружочки. Вокруг стоял густой желтый лес. Нежные зеленые стебельки пробивались от самой воды.

Все это понравилось малышам. Но вокруг было столько непонятных звуков и шорохов, что беглецы не решились плыть дальше. Сверху припекало, и зверьки, зажмурившись, с удовольствием расчесывали коготками шерстку.

«Кар-р-р!» — вдруг послышалось сверху, и на Три камышинки упала тень. «Кар-р-р!» — и на кочку опустилось невиданное существо. Оно боком придвинулось

к малышам и равнодушно покосило блестящим глазом. Потом, толкнув Пухлявого острым носом и схватив его огромной когтистой лапой, взмыло вверх.

Серебристому Усу стало страшно, и он пронзительно запищал. К кочке уже торопилась Черноспинка. Ондатренок бросился навстречу матери. Она схватила его за шиворот и потащила к жилью.

В этот день Седой и Черноспинка перетащили оставшихся пятерых малышей на самый верх хатки. Там они сделали гнездо на втором этаже, подальше от воды. Они трудились весь остаток дня, выкладывая гнездо мягким мхом. Через крышу хатки просвечивало небо. Малыши с любопытством принюхивались. Они не знали, что это такое — небо. Только Серебристый Ус и Пухлявый видели его. Но одному из них это стоило жизни.

БЕДА ДЛЯ ВСЕХ

К вечеру стало пасмурно. Небо затянуло серой пеленой. Зашелестел камышом ветер. Все семейство спряталось в хатке. Здесь было тепло и уютно. Один Седой не торопился. Он недовольно принюхивался. Вниз по течению поднималась фиолетовая туча. Но никакая туча не могла так быстро вырасти и закрыть небо. Не было это и туманом, который иногда идет низко.

Застучали по воде тяжелые капли дождя. Стало совсем темно. Но вдруг вспыхнул оранжевый свет и пробил короткой зарницей серую пелену.

Седой повел носом, но ничего не мог придумать лучшего, как спрятаться в хатку.

Черная туча была дымом большого пожара. Огонь быстро перебрался на займище. Свежие, сочные

побеги еще не успели набрать сил, и перестоявший камыш взорвался как порох. Капли дождя испарялись, еще не достигнув огня. Вокруг стоял сильный жар. Искры далеко разносило ветром.

Захлопали крыльями птицы. Звери, которые имели возможность уйти подальше, заторопились. Лисы, корсаки, камышовые коты сталкивались носами и, не обращая внимания друг на друга, мчались рядом подальше от огня.

Звери и птицы могли еще спастись, если между ними и огненной чертой лежала вода, которая могла остановить пламя. Но куда денешься в камышовом займище? А просто ли вдруг оставить дом, гнездо, где положены яйца, которым отдано столько заботы и надежды? Фазанки, что пережидают всякую опасность затаившись, не бросали гнезда, пока огонь не обжигал их перья. Многие из них так и не успели взлететь. Любая птица и любой зверь знали много способов, чтобы сберечь себя и свое потомство от разных опасностей. Но перед этим несчастьем все жители камышовой страны были равны и беспомощны.

Вспышки, искры, подхватываемые ветром и летящие в черное небо, треск, стоны, крики птиц — все слилось в единый страшный голос, которым говорила большая беда.

Люди в Арал-Тюбе узнали о пожаре только на рассвете: дождь и плотный туман скрыли зарево.

Утром черный столб дыма все еще тянулся в камышовых займищах к самому небу.

Люди понимали, какая большая беда пришла к жителям камышовой страны, и очень торопились. Огонь съел огромную площадь зарослей. Черная земля выглядела пустынной и мертвой. Блюдца озер были словно скованы седыми дымными обручами.

Высокий столб дыма и короткие желтые язычки

пламени показывали, что беда еще не утихла. Она только затаилась от безветрия и ливня, который обрушился ночью на камыши.

Люди, прилетевшие на вертолете к месту пожара, зашли к огню с фронта и стали изо всех сил работать лопатами. Они копали землю, валили камыш, отрезая перешеек от зарослей.

От пожарника несло жаром, пот застилал глаза, лица у людей покрылись копотью, но они работали так быстро, как будто от этого зависела их собственная жизнь.

Наконец пламя последний раз дернулось и упало на рыхлую землю. Только теперь люди почувствовали, как они устали. Они легли на теплую золу под обуглившейся ивой и вытянули гудящие ноги. В небе кружил орлан-белохвост. Он кружил низко, закрывая лица людей тенью от своих больших крыльев. Еще вчера вечером на иве орлана было гнездо с тремя забавными горластыми птенцами. Сейчас орлан не мог найти гнезда и не узнавал ни деревьев, ни окружающих мест.

ПОСЛЕ ПОЖАРА

Камыши загорелись, скорее всего, от ночной грозы. Вполне возможно, что молния ударила в одинокое сухое дерево.

На следующий день над камышами вновь прошумел дождь. Он затушил последние тлеющие угольки. Через несколько дней то там, то здесь от земли потянулись ярко-зеленые побеги. Ничто им не мешало быстро набирать силы. Вокруг было столько солнца и света, а землю хорошо удобрила зола.

Но на камышовом займище уже не было столько шума, как раньше. Птицы и мелкие звери не могли те-

перь спрятаться. На много гектаров вокруг лежала открытая черная земля.

Во время пожара сгорело много ондатровых хаток. Оставаться на открытом месте было опасно, и ондатра отправилась в другие водоемы.

Сухая протока, которую люди успели спасти от огня, была самой крайней к пожарищу. И конечно, все эти потерянные зверьки шли через Сухую протоку. Пострадавшие мало обращали внимания на метки, которые оставил Седой на границе семейного участка, и заплывали в заливчик почти к самому гнезду. Тогда Седой и Черноспинка смело бросались к нарушителю. Другие, более решительные и торопливые, пытались строить хатки в зарослях, на границе участка. Это тоже было против правил. И опять приходилось отстаивать свои права.

Малыш уже достаточно подросли и могли сами подплывать к ближним тростникам и добывать пищу. Седой и Черноспинка соорудили кормовой столик недалеко от хатки. Родители знали все кочки, заливчики и славины, где росли нежные и сочные побеги. И они вовсе не собирались уступать их чужакам и стерегли свои запасы.

ЛОВУШКИ

В Арал-Тюбе пожар на займище принес много беспокойства. Надо было прикинуть, какой урон нанес он ондатровому племени. Куда ушли зверьки и нужна ли им помощь? Никто другой не смог бы этого сделать лучше Арсентьича.

Горелое займище со стороны выглядело местом жестокой битвы. На иссиня-черной земле мало были приметны галки и вороны, пировавшие на пожарище.

Вороны отъелись, перья у них лоснились, они каркали лениво и довольны.

Арсентьич, осмотрев пожарище, еще раз сплавал в Арал-Тюбе и вернулся только на следующий день с Сашкой. Лодка у них была загружена большими белыми ящичками. Это были «живловушки». «Живловушки» ставили вместо капканов, когда ондатру надо было взять живой, без единой царапинки. Ловили зверьков по разным причинам: для переселения в другие места, для окольцевания или для того, чтобы проследить пути их движения, а то и просто для учета или проверки на разные болезни.

Арсентьичу предстояло выяснить, сколько зверьков осталось после пожарища, а если они спаслись и ушли, то куда. Арсентьич, загрузив легкую байдарку ловушками, неслышно оттолкнулся веслом от берега и поплыл вниз по течению протоки. Один ящичек он поставил рядом с предполагаемой хаткой. Именно там, где когда-то жили Седой и Черноспинка. Другой — на кочке Три камышинки. Потом, перетащив байдарку через перешеек, охотник очутился в Горелом займище, где очень тщательно осмотрел берег, заливчики и сплавины, которые уже оцетинились свежей зеленью. Там, где ему казалось, что эти места могла посетить ондатра, он ставил ловушку. Но до сих пор охотник не встретил ни одного зверька.

Едва байдарка с охотником скрылась за поворотом, Серебристый Ус выглянул из-за кочки и поплыл к белому ящичку. За ним кинулись Чистюля и Злюка. Ондатры страшно любопытные. Они не успокоятся, пока не обследуют незнакомый предмет. Серебристый Ус, который плюхнулся в воду раньше, никому не хотел уступать непонятного и такого заманчивого белого ящичка. Он первым достиг островка Три камышинки, сунул носом в щель ловушки и юркнул в ящик. На

ЖАМАН-КОКТАЛ

его пути стоял белый столбик, который зверек сбил с ходу. Ящик грохнул, хлопнул, и щелка закрылась. Серебристый Ус боялся, что Злюка догонит его, и, не увидев брата рядом, успокоился.

Ящик был гладким, сухим и чистым. Здесь можно было неплохо выспаться. Но, ткнувшись мордочкой несколько раз в гладкие углы и не найдя выхода, Ус заволновался, стал метаться, пищать и царапать стенки ящика.

Злюка же помчался за Чистюлей, которая, решив, что ей не догнать резвых братьев, направилась к другому белому предмету, стоящему около старой норы. Злюка, потеряв время у Трех камышинок, безнадежно отстал. Поэтому участь Серебристого Уса разделила Чистюля. Она теперь тоже испуганно металась и пищала на дне ящика.

На тревожный писк уже торопились Седой и Черноспинка. Они кружили вокруг ящиков, забирались на них, грызли резцами, но ничем не могли помочь пленникам, которые, чувствуя родителей, еще больше метались, вкладывая в рывки все свое отчаяние и силы. Седой и Черноспинка сделали попытку найти выход снизу, а если нет — подкопать его. Но, подныривая несколько раз по очереди, они и под водой встречали твердый и плотный заслон.

Но вот послышалось страшное рычание, и большой черный предмет метнулся в протоке так быстро и круто, что камыши пригнулись от сильной волны. Злюка и его родители едва успели юркнуть в заросли. Немного погодя, когда страшный шум стал удаляться и зверьки выглянули из своих укрытий, белых ящичков на месте не оказалось.

Утром Арсентьич расставил ящики на берегу протоки. Он осторожно доставал зверьков из ловушек, а Сашка уже держал наготове маленькую алюминиевую пластинку. Он накладывал ее на заднюю лапку, прижимал плоскогубцами, и зверьков снова сажали в ящики, чтобы потом выпустить их в том месте, где они попались в ловушку. Арсентьич записывал номера в тетрадку. Наконец дошла очередь и до Серебристого Уса. Промысловики обратили внимание на белые усы зверька, заметив, что такому льву не обязательно кольцо, его можно и по усам узнать. Арсентьич записал в тетрадку: «Серебристый Ус. Москва, 0065692».

Ящики опять погрузили в моторку. Сашка сел за руль, и лодка помчалась через Сухую протоку, через Горелое займище к стороне Жаман-Коктала, откуда Арсентьич и привез зверьков. Сашка не стал останавливать лодку в Сухой протоке и на займище из-за двух-трех зверьков вроде Серебристого Уса. Да и попробуй разберись в этих ящиках! Ондатры сами найдут свой дом. Он выпустил их всех в одном месте, у тальникового острова.

«Жаман-Коктал» в переводе с казахского означает «Плохой Тальник». Эта неширокая петлюющая протока сплошь заросла тальником. Небольшие озера, затянутые кустами, превращались в непроходимые болота, где часто пропадали скот. Опасно здесь ходить одному. Зыбкая почва тянулась вперемежку с болотами и водой. Без легкой лодки-волокуши здесь не пройти. Но кабаны и крупная водоплавающая птица считали Жаман-Коктал очень удобным местом.

Все шестнадцать зверьков, выпущенные в Жаман-Коктал, ринулись в тальник и разбрелись в разные стороны.

Серебристый Ус плыл наугад под сомкнувшейся короной ветвей. Протока становилась все уже и уже, но Ус все плыл, торопясь уйти от светлого места, от страшного грохота. Впереди показался свет. Серебристый Ус неожиданно увидел перед собой маленькое чистое озеро, на котором плавали большие белые цветы. Камыши стояли вокруг высокой стеной и со всех сторон закрывали озеро. Вокруг было сколько хочешь сочного сойрюка и удобных кочек.

Серебристый Ус приготовился отдохнуть и попробовать невиданных белых цветов. Но сначала он попытался избавиться от кольца, которое сдавило заднюю лапку. Он понюхал кусочек металла и лизнул его. Потом погрыз зубами. Кольцо не поддавалось. Тогда он зацепил его лапкой и нажал изо всех сил. Но кольцо только чуть-чуть сдвинулось с места и немного ободрало шкуру. Серебристый Ус вытянулся на кочке и закрыл глаза. Он так устал, что не торопился попробовать больших белых цветов.

«Крэйк!» — вдруг услышал Серебристый Ус прямо у себя над головой. Ондатренок огляделся по сторонам и увидел странное длинное существо. У него была длинная шея, длинный клюв и ноги тоже длинные. Существо важно переступало по воде, не поднимая ни плеска, ни малейшего шума. Серебристый Ус замер и сжался в комочек. Тот подошел совсем близко. Неожиданно развернул узкие длинные крылья и очень сильно хлопнул ими по воде. Брызги полетели в сторону Серебристого Уса и обдали его водяной пылью. Он нырнул на всякий случай под кочку. А хозяин светлого озера уже топтал ее ногами и бил крыльями. Это был самец цапли-чепуры.

Ус нырнул между его красных тонких ног и юркнул в камыши. Он тоже умел кое-что отлично делать. Например, неслышно пробираться через заросли, мяг-

ко раздвигая стебельки своей узкой, слегка приплюснутой по бокам головкой. Он уходил все дальше, избегая открытых мест, где могли встретиться негостеприимные хозяева. Уши у него обвисли, усы поникли, к ним прилипли кусочки озерной ряски.

Ус искал Сухую протоку и дом.

Не раз ему казалось, что впереди он слышит знакомый плеск воды, но когда он подкрадывался ближе, все стихало. Отовсюду свисали гибкие, скользкие ветки тальника, покрытые белой пеной. Красные муравьи и разные мошки захлебывались в ней, перебегая по стволу на кончики залитых солнцем стеблей. Затянутые зеленой тиной лужицы сменяла светлая вода бьющих ключей, сухие кусочки почвы чередовались с камышовыми зарослями, среди которых блестели уютные, заросшие кувшинками озера.

Деревья и тростник, кустарник и болота — все это тянулось без конца и края. Серебристый Ус плыл, перебираясь через коряги, полз по сухой траве, но нигде не встречалось ему достаточно просторного озера или протоки, которая могла бы ему напомнить дорогу к дому.

БАКЛАНЬЯ ОТМЕЛЬ

Серебристый Ус пробирался через заросли почти целый день, так и не попробовав больших белых цветов. Подремав в камышах, Ус снова отправился на поиски открытой воды. Он плыл на юго-запад, петляя среди лужиц и проточек. И чутье не обмануло его. Он увидел наконец перед собой ослепительный блеск солнца. Со стороны Жаман-Коктала небольшое озеро было покрыто растительностью. Напротив желтела песчаная отмель, где копошились большие бело-серые птицы. Во-

даяная дорога тянулась еще дальше. Может, она и вела к Сухой протоке?

Серебристый Ус после встречи с самцом цапли-чепуры стал более осторожным. Он долго не выходил, прислушиваясь и приглядываясь к птицам. Но они, казалось, были так увлечены своим делом, что не обращали внимания на растерянного ондатренка. Птицы по очереди исчезали под водой и долго не появлялись. Они вытаскивали в клювах блестящую трепещущую рыбу и жадно пожирали тут же, на отмели. Иногда одной из них попадалась рыба такая крупная, что не лезла в горло. Тогда птица долго стояла с раскинутыми крыльями и раскрытым клювом, откуда торчал трепыхающийся рыбий хвост. Птица дергалась всем телом, делая глотательные движения, пока хвост не исчезал. Потом она снова ныряла и опять возвращалась с добычей. Так повторялось раз за разом. Казалось, у этих жадин не было больше желаний и занятий, кроме того как нырять и глотать, нырять и глотать.

Серебристый Ус наконец решился и поплыл через открытую воду. Его сразу заметили. Две птицы направились к нему и быстро оказались рядом. Ондатренок нырнул. Под водой он увидел, как птица тоже нырнула и ловко схватила рыбу. Когда он появился наверху, то рядом оказались уже три птицы. Они переговаривались резкими квакающими голосами.

Серебристый Ус быстро поплыл к ближайшей кочке, чтобы спрятаться за камышинками. Хозяева отмели поплыли рядом, с удивлением разглядывая пришельца. Они окружили кочку и опять заговорили. Потом все почтительно расступились. Около кочки появилась большая птица с красным клювом. Это был старший на отмели — баклан-карморан.

Карморан нырнул и появился с блестящей рыбкой в клюве, которая размером была чуть больше Сере-

бристого Уса. Карморан тряхнул шеей, и рыбешка исчезла.

Так повторялось несколько раз, до тех пор, пока одна из рыбешек, вывернувшись, не плюхнулась в воду. Другой баклан, подхватив ее, помчался к берегу. Карморан бросился за ловчаком. И все птицы вокруг насмешливо заквакали и стали нырять. А Серебристый Ус, не теряя ни минуты, снова ринулся в камыши.

УС ИЩЕТ ДРУЗЕЙ

Уже много дней ищет Серебристый Ус свой дом. Вокруг только птицы: большие и маленькие, серые и пестрые, с длинными клювами и короткими. И за все время он не встретил ни одного сородича. Подплывали к нему близко общительные утки-краснобашки. Веселая птичка-камышевка взялась было показать дорогу и долго летела рядом, напевая свою радостную песню. Но и она ушла в сторону, испугавшись сорокопута-разбрийника.

Серебристый Ус выбирал для передвижения жаркое время дня, когда птицы, разомлевшие от обильной пищи после утренней охоты, сидели у гнезд рядом с птенцами.

Все, что могло расти в полную силу, в это время тянулось к свету. Зеленые побеги совсем спрятали прошлогодний сухой камыш. Ветки джиды и тальника покрылись густыми листьями. Под их защитой Серебристый Ус находился в относительной безопасности. Он еще больше подрос и окреп, ворс на его шубке стал длинным и лоснился. Каждое утро Ус много времени уделял своему туалету. Но все же Серебристый Ус был слишком маленьким по сравнению с обитателями Жаман-Коктала, чтобы никого не бояться. Кроме того,

здесь все хорошо знали друг друга и разные птицы уживались между собой и даже иногда дружили.

Серебристый Ус видел на рассвете, как огромный пеликан-бобоша ловил рыбу вместе с бакланами. Пеликан уходил далеко и шумно бил крыльями по воде, подгоняя рыбешку на мелкое место. Бакланы ныряли навстречу и били добычу клювами, не давая ей разбежаться.

Однажды далеко от берега уставший и мокрый баклан залез на спину бобоши и, растопырив крылья, сушил перья.

У Серебристого Уса не было таких друзей. Единственные надежные союзники — это его уши. Ус научился бесшумно пробираться через самые густые заросли. Ни один зверь и ни одна птица не могли так искусно и ловко проскальзывать между шуршащими сухими стебельками. Жаман-Коктал научил зверька быть осмотрительным. Чаще всего он сжимался в комочек и замирал, превращаясь в незаметную серую кочку.

Задремав как-то в случайной норке, Серебристый Ус проснулся от фырканья, которое показалось ему очень знакомым. Так обычно ворчала его мать, когда была чем-то недовольна. Ус опрометью вылетел на свет. Перед ним сидел зверь, похожий на Черноспинку, но шерсть на нем была лохматой, грязно-бурой и свисала клочьями. Это была старая водяная крыса.

Крысы давно враждовали с ондатровым племенем. Они терпеть не могли этих чистюль и аристократов.

Крыса бросилась на ондатренка, но Ус успел увернуться и нырнуть под частые ветки тальника. Между густыми ветками было такое маленькое пространство, что толстая крыса не смогла протиснуться среди ветвей свое неуклюжее тело. Ус вильнул хвостом, нырнул под корягу и всплыл по другую сторону тальника.

Он свернул с водной дороги, некоторое время шел

по суше, путая следы. Его донимали комары, которые роем вились над соседним болотом. Они ухитрялись больно кусать даже через густую шерсть. Но Ус ни разу не остановился. Он смело плюхнулся в болото и переплыл его по открытой воде. Потом пополз через камыш, не заботясь о том, что делает это слишком шумно. Он обрадовался узкой канавке с проточной водой и петлял по ней, пока не выбрался к открытой воде. Перед ним лежало большое озеро. На спокойной, гладкой воде не было птиц. В стороне от берега, на остром мыске, он увидел сноп камыша. Это так напоминало родную хатку! Ус бросился к мыску как к избавлению.

ДОБРЫЕ СОСЕДИ

Серебристый Ус нырнул под камышовый сноп и сразу оказался у входа в хатку. Это была ондатровая хатка. Ус обнюхал все углы. Нашел остатки высланного хмоя гнезда, засохшие кусочки корней рогаза. Хозяева, очевидно, давно покинули гнездо.

Ус страшно устал и скоро заснул. Впервые он так сладко спал, без тревог и волнений, словно у себя дома.

Когда розовая заря окрасила верхушки камышей, Ус встретил рассвет на крыше хатки. Камыши были еще бесцветными, и вдали ничего не просматривалось. Спокойная водная гладь казалась застывшей навечно. Ус занялся своим утренним туалетом. За время мытарств шерстка кое-где у него свалилась и потеряла блеск. Он расчесывал ее языком и лапками, наслаждаясь покоем и независимостью.

Солнце поднялось выше и осветило хатку. Ус зажурился от удовольствия и вытянул лапки. Когда он открыл глаза, то увидел, что вся крыша хатки залепана белыми кусочками птичьего помета. Это ему не

ОЗЕРО СОЛНЕЧНОГО ПЯТНА

понравилось. Всякий порядочный хозяин должен содержать жилье в чистоте. Ус поторопился заняться уборкой. Он начал стаскивать грязные стебли в воду. Но скоро убедился, что для этого ему придется разорвать всю крышу. Во всем виноваты большие птицы. Наверное, им очень понравилась удобная кочка в тихом месте, и они прилетали сюда на отдых. Поэтому хозяева вынуждены были покинуть свой дом.

«Анг!» — вдруг сказали у него за спиной. Серебристый Ус обернулся и увидел белую птицу с длинной изогнутой шеей. Она не торопясь выплыла из заливчика на открытую воду.

Уса как ветром сдуло с крыши. Он юркнул в норку и стал наблюдать за странной птицей в просветы в стене. Ус тяжело дышал, бока у него заходили ходуном. Белая птица редко и плавно загребала лапами в красных носочках. В ее плавных движениях, в повороте шеи не было ничего настораживающего и опасного.

«Анг!» — призывно сказала птица, и ей ответили: «Анг-кинк!» На солнечное пятно на воде выплыла другая такая же птица. На спине у нее копошилось несколько серых уродцев. Они покачивались из стороны в сторону, вытягивая тонкие, как ондатровый хвостик, шеи, дергали голыми крылышками, рискуя свалиться в воду. Но белая птица так удачно покачивала спиной, чувствуя малейшее неверное движение уродцев, что за них можно было не беспокоиться.

Птицы сошлись на солнечном пятне, нежно сказали друг другу «Анг!», и клювы их встретились. Они плавали бок о бок, сплетались шеями, чистили друг у друга перья, расходились и сходились, чтобы повторить все сначала. Уродцы на спине попискивали и тянулись к воде, но птицы предупреждали малейшие их движения. Они все кружили и кружили на воде, выделявая замысловатые фигуры.

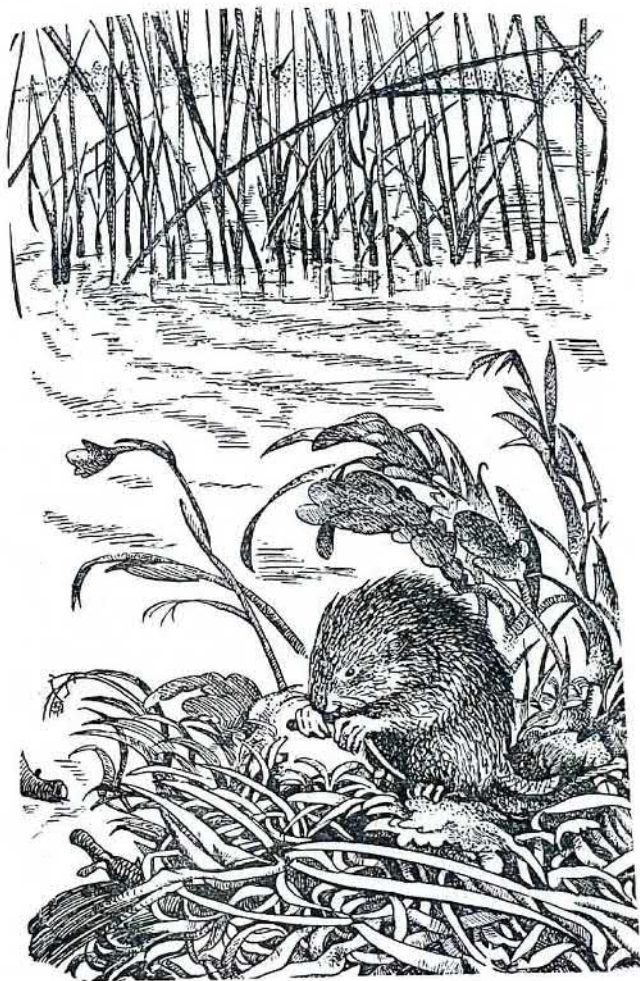
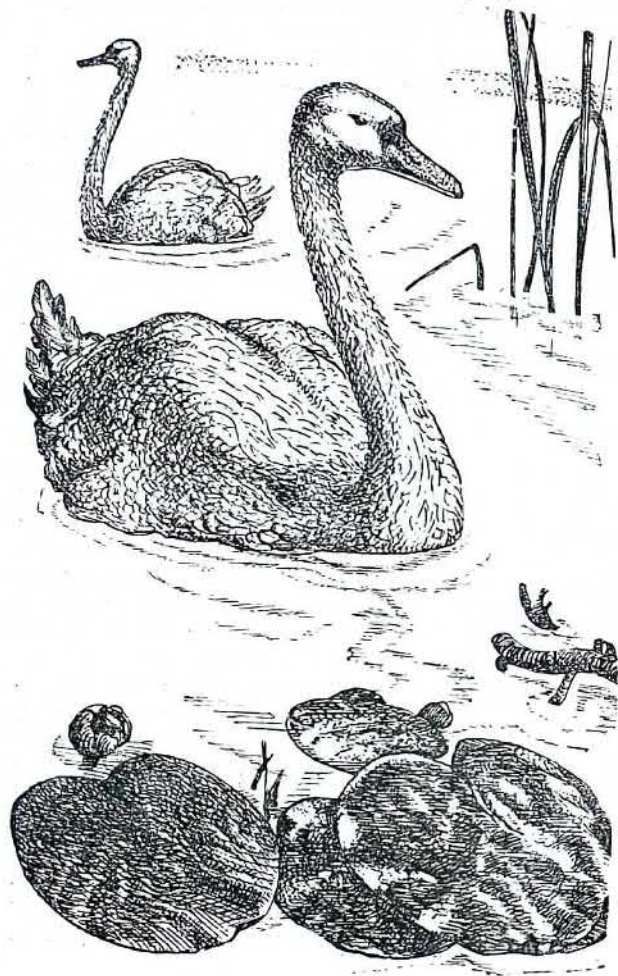
Лебеди были полными хозяевами на озере Солнечного пятна. Другие птицы и звери не смели подолгу задерживаться здесь. Когда на мыс забралась лиса, мать-лебедиха накрыла птенцов крыльями, а отец смело бросился навстречу хищнику, вытянув шею и угрожающе хлопая крыльями.

Лиса не любила открытых стычек. Вокруг было сколько хочешь растерянных и заблудших птенцов, потому что лето уже стояло в разгаре и все птицы прилегли выводки.

Лисица облизнулась мокрым шершавым языком и ушла, приметив на всякий случай место, где под крыльями лебедихи в камышовом лоточке, выстланном перьями, попискивали пять крохотных лебедят. Правда, они уже были не такими маленькими. Им минуло по две недели. Они росли не по дням, а по часам и уже опробовали воду у мыска, подплывая к самой хатке Серебристого Уса. Лебедята сразу показали себя врожденными пловцами и очень быстро научились делать то, чему их учили родители. Они опускали шею под воду, доставали на мелких местах разных личинок, крохотных лягушат. Они ощипывали с кустов нежные листики и склевывали еще не созревшие семена.

Иногда папаша улетал, и тогда все семейство старалось держаться в кучке. Лебедята весело ныряли, но, приметив вкусные зеленые побеги, норовили разбежаться. Мать-лебедиха гнала их крыльями к дому и ворчала, поглядывая в небо. Папаша появлялся всегда с одной стороны, откуда всходило солнце. Подлетая к озеру, он уже издали кричал: «Киль-кий!»

Серебристый Ус узнавал хозяина и успокаивался. Папаша-лебедь шумно садился, раскинув крылья. Он бежал по воде к гнезду. Тогда все семейство уже не

ПРОЩАНИЕ С ОЗЕРОМ

могло сдерживать радости. Лебедиха кричала «Анг-анг!», малыши плавали вокруг, смешно трясли куцыми хвостиками.

Серебристому Усу незачем было покидать озеро Солнечного пятна. Пищи здесь оказалось вдоволь. Усу пришлось по вкусу сочные толстые листья кувшинки. Впервые он отведал здесь подорожник, растущий недалеко от берега между кустами джиды, нежную гречиху, пахучие листики девясилы. Под берегом, в застойной воде, плавала прохладная нежная рыбка; камыш, тростник и рогоз окружали озеро надежной стеной. Ус устроил себе несколько столовых в разных концах озера. Он облюбовал кочки, на которых отдыхал после обеда, чистил и сушил свою шубку.

С каждым днем Ус становился все крупнее и набирался сил. Усы у него выросли длиннее и гуще. Он все больше походил на своего папашу Седого.

Но как бы хорошо ни было Усу в этом приветливом месте, влекущее чувство дома оставалось и для него самым сильным чувством.

Каждый день Ус уходил от своего жилища. Сначала в сторону заката. Потом в сторону восхода солнца, потом в конец озера, к узкой проточке. Он теперь не шел наугад — лишь бы идти. У него был дом, и Ус не спешил покинуть его. Он искал встречи со своим племенем, случая, любой приметы, которая могла направить его на верное направление.

Но все походы заканчивались безрезультатно, Ус возвращался к озеру чистить и достраивать свою хатку. Он уже почти совсем разобрал крышу, заменив пожухлые, залепленные пометом стебли свежими. Лебеди относились к его соседству совершенно спокойно. То молчаливое взаимопонимание, которое установилось у обитателей озера, оказалось прочным.

Конец лета выдался сухим, без дождей. Вода сильно испарялась, все больше открывая пологие берега. Мысок с хаткой, который раньше вдавался далеко в озеро, оказался совсем на суше. Черная липкая грязь вокруг ссохлась и стала твердой, потрескавшейся коркой. Любой хищник мог теперь легко подойти к норе и забраться внутрь. Хатка уже не была надежной защитой. Лебеди почти совсем не жили в гнезде. Они все чаще улетали на поля собирать колоски.

Серебристый Ус несколько ночей провел на плавающих купаках под тростниковыми листьями. Дальние переходы стали опасными. Подросшие за лето птенцы скопы, болотного луня, степного орла летали теперь повсюду, и надо быть очень осторожным, чтобы не угодить им в когти. Серебристый Ус днем старался не показываться на открытых местах и только в сумерках пересекал озеро, наведываясь к одной из своих столовых.

Подул северный холодный ветер. Купак, на котором прятался Ус, унесло в дальний угол озера. Пошел холодный дождь. Вода в озере как будто немного поднялась. И Ус заторопился к покинутой хатке. Его встретила необычная тишина. Рядом не оказалось разговорчивых лебедей. Вода поднялась, но не настолько, чтобы скрыть вход в хатку. Ус остался ночевать дома. Он ждал, что лебеди вернуться в сумерках. Но они не вернулись.

Никогда он больше не увидел своих соседей, которые все лето, сами того не подозревая, были его добрыми стражами и защитниками.

Утром Ус будто услышал знакомые клики. Он выполз на крышу хатки и огляделся. Звуки раздавались в небе. Он поднял голову и едва различил черные

точки. Их было так много, и все они что-то говорили и пели. И голоса их сливались в многозвучную музыку, грустную и прекрасную.

Дождь, мелкий, с густым низким туманом, все еще накрапывал, когда Серебристый Ус расстался с озером Солнечного пятна.

Ус отправился к песчаной отмели, куда никогда не ходил, потому что за ней открывалось ровное место, которое кончалось желтым барханом. За барханом Ус тоже не был. Ведь это очень опасное дело — маленькому зверьку идти по открытому месту.

Серебристый Ус, как и все представители его племени, был на суше неповоротлив и неуклюж. Переход к бархану был, конечно, безрассудным шагом, на который можно решиться только с отчаяния.

В дождь хищные птицы предпочитали не мочить крыльев и отсиживались в кустах. Возможно, поэтому во второй половине дня Усу удалось благополучно достичь вершины бархана.

Внизу лежала песчаная равнина с низкими кустиками саксаула. Придавленная туманом, она казалась мрачной и безжизненной. Ус скатился вниз по холму и добрался до кустов. Теперь он мог перебежать от укрытия к укрытию. Неосознанное упорство влекло его вперед. Он двигался уверенно, словно много раз уже проходил здесь, среди саксаульника и высоких кустов душистой джиды с мягкими белесыми листиками. Он щипнул на ходу несколько стебельков и долго и жадно пил из грязной лужицы. Такие лужицы сейчас встречались очень часто. Это дождь наполнил глиняные блюдца такыров.

Оторвавшись от воды, Ус увидел на той стороне блюдца зверька, точь-в-точь похожего на него. Он наклонил голову и снова стал пить, кося глазом на зверька. Тот тоже наклонил голову и тоже стал пить. Зна-

чит, это его собственное отражение! Ус часто видел себя в воде с крыши хатки и успокоился. Он стал приводить себя в порядок, очищая с лапок комья грязи. Зверек же на той стороне не шелохнулся и устоялся на Уса. Тогда Серебристый Ус бросился в воду и смело поплыл ему навстречу. Отражение не сдвинулось с места, а только покорно сжалось в комочек. Ус бросился к зверьку и обнюхал его. Столько близких, дорогих и давно забытых запахов ударило в голову Серебристому Усу.

Да ведь это же Серые Ушки!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот оно, Горелое займище! Как все здесь изменилось! Каким плотным и высоким стал камыш! Но краски поблекли. Вода стала холодной и мутной.

А вот и островок Три камышинки. Здесь их уже не три, а целый куст. И коричневые шишки торчат высоко в небо. Хатка стала шире и выше. Мокрый и чистый рогоз у входа. Сладкий и родной запах.

Все семейство оказалось в сборе и обступило пришельцев. Мать обнюхивала и ласкала Серебристого Уса, хотя тот был не меньше ее. Младшие братья и сестры, которых он видел впервые, смотрели на него маленькими блестящими глазами, причина волнений и сумятицы была им непонятна.

К вечеру совсем похолодало. Края протоки затонуло тонким ледком. Семейство стало утеплять жилье. Ондатры трудились без усталости несколько часов подряд, подгрызая и сплавляя к дому камышинки и стебли рогоза. На следующий день в хатке не осталось ни одной щелочки, куда бы мог проникнуть ветер.

Зверьки ныряли, доставая со дна пучки корневи-

ща, облепленные грязью. Вокруг хатки Серебристый Ус обнаружил несколько кладовок, которых раньше не было, с аккуратно сложенными белыми корешками тростника. Отдельно лежали зеленые с лиловым оттенком ростки. В потайном месте, покрытом камышинками, он наткнулся на склад вкусных почек роголистника. Семья надежно подготовилась к зиме. Туго бы пришлось Серебристому Усу одному на озере Солнечного пятна. Он не думал о припасах: вокруг было такое изобилие!

Семья добывала корешки, пока совсем не затянуло протоку. Ондатры построили еще несколько кормушек и стороне и небольшие шалашики-продукни. В это время к семейству пристали два чужака, ровесники Серебристого Уса и Серых Ушек. Черноспинка и Седой не прогнали их, а приняли на равных. Перед зимовкой надо укреплять семью.

Последний раз прокричали в вышине перелетные птицы: «Кау-кау!» Это покидала камыши выпь-бугай. После нее стихло в небе. Протока покрылась льдом раньше, чем выпал большой снег. Хатка снаружи обледенела и не пропускала холода. Лед спрятал ондатру от хищников. Ондатра плавала подо льдом, отдыхая и набирая воздуха в своих многочисленных кладовых и продуках. Шерстка у зверьков скоро залоснилась. Они становились все более сонными и ленивыми.

Однажды на рассвете Серебристый Ус высунул голову из продука. Вокруг было белым-бело.

БОЛЬШОЙ БАРХАН

Приятным теплым духом веяло от снежных горок в глубине камышей и заливов. Их не защищала теперь вода. К ним можно было легко подойти даже по само-

му тонкому льду. И лисы подходили. И кабаны подходили. Кабаны валили хатки. Лисицы не всегда могли разрыть твердый обледеневший панцирь. Они довольствовались тем, что оставляли кабаны. К тому же в теплой хатке всегда селилось множество полевков, слишком мелких для кабана, но вполне подходящих для лисьего племени. Голодные вороны прилетали, садились на крышу хаток, прислушивались к возне зверьков и выжидали.

Но как ни трудно было зимовать ондатровому племени, пришла все же долгожданная весна.

На реке Или, у Капчагайской плотины, взорвали лед, чтобы спустить лишнюю воду. Но время ледохода задержалось, и реку быстро затянуло обломками и шугой до самого дна. Такого никогда не случалось. Вода хлынула поверху и, выйдя из берегов, ринулась в низовье, затопляя дельту. Скоро все протоки, озера, заиленные слились в бескрайнее море. Под водой скрылись туган. Только кое-где торчали верхушки деревьев, лысые песчаных холмов.

Перепуганные мокрые зайцы-толан, вытягивая шею, вглядывались в даль. На много километров вокруг под солнцем блестела вода. Лисы металась среди саксаульных кустов, не обращая внимания на легкую добычу. Ондатровые семьи спасались на крышах хаток. Но вода согнала их и оттуда. Зверьки расплылись в разные стороны, приставая к еще торчащим над водой кочкам и холмникам.

Серебристый Ус менял пятое место. Но вода все прибывала. Ус почти выбился из сил, но его спас песчаный остров, на вершине которого металась косуля.

Серебристый Ус мало чем отличался теперь от Седого. Тело его было крупным и мускулистым, шерсть густая и плотная, резцы острые и длинные. А мордочка совсем поседела, как у матерого бывалого зверя.

Ус беспокойно озирался, щурясь на яркую воду. Он еще как следует не очнулся от зимнего оцепенения. В пустотах подо льдом и продушинах всегда было тепло и светло. Можно было даже нежиться на солнце, не выбираясь на поверхность. Все семейство хорошо перенесло зимовку. Потускнел и потрескался лед, обещающий близкую весну. И вот эта большая мутная вода...

Наводнение несло опасность не только обитателям камышей. Почти все люди Арал-Тюбе, предупрежденные заранее, перебрались за поселок на Большой бархан.

В низовьях реки собирались взорвать лед, чтобы открыть путь воде.

СВОБОДА

На рассвете загрелись взрывы. Они бухали далеко на реке. Это с вертолетов сбрасывали аммонал. Взрывы разбили лед и открыли русло. Вода стала медленно спадать. Сначала показались верхушки тугаев. Потом саксаульник на барханах. Потом множество островков, которые постепенно стали соединяться. На открытой земле в разных местах застыли заяц-толай, лисичка-корсак, мокрая ондатра, похожая на ржавую болотную кочку. Их победила вода. У зверей не хватило сил уйти от нее. Да и некуда было. В небе широкими кругами ходили орлы-канюки, спутники беды.

Косуля на холме всю ночь не смыкала глаз. Она дрожала мелко и часто. Сырой ветер и открытое место заставляли ее все время волноваться и быть начеку. Она тревожно поглядывала в небо. Орлан шел ужена второй заход. Вдруг он повис над холмом и стал камнем падать. Косуля метнулась в сторону, высоко подбрасывая копытца. Острые рожки торчали воинственно.

Орлан, который падал на косулю, у самой земли будто передумал.

Ус вдруг почувствовал, что большая серая тень накрыла его, и спину пронзила острая боль. Лапки зверька оторвались от земли. Он увидел внизу воду, холмы, верхушки кустов. Жесткая лапа сжимала его поперек туловища, и Ус задохнулся от высоты и страха.

Орлан летел не высоко, но с каждым взмахом крыльев он уходил все дальше. Увидев впереди длинную горбатую полосу суши, он смело полетел туда. Он хотел было снизиться, но увидел людей и снова пошел вверх.

Но тут грянул гром. Орлан вздрогнул и камнем полетел вниз. Он падал, нелепо вывернув голову и ломая перья.

Арсентьич был хорошим стрелком. А хищных птиц в то время почему-то предписывалось уничтожать.

— Вот так штука, — удивленно сказал Сашка, поднимая перепуганного Серебристого Уса за хвост. — Посмотрите, у него кольцо.

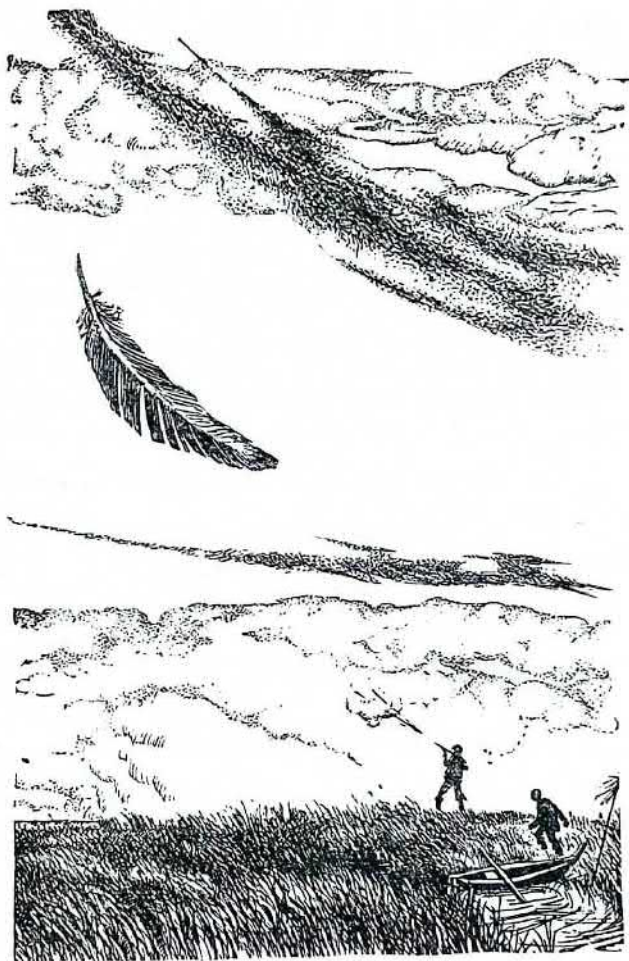
— «Москва, 0065692»... Пойдите, да это, кажется, тот самый, — сказал Сашка, увидев седую мордочку. Серебристый Ус приоткрыл один глаз.

— Он самый, — улынулся Арсентьич.

Вода вокруг Большого бархана быстро спадала. Земля была покрыта скользкой липкой грязью. Сашка и Арсентьич вытянули лодку к чистой воде. Потрясенный, Ус лежал под кучей сырой пакли и задыхался. Новая весна приносила ему одни неприятности.

Лодка шла на веслах. Местами еще было очень мелко, и дно царапали ветки кустарников.

Лодка долго шла, задевая стволы деревьев с хрупкими серебряными ветками. Их встречали синички-ремезы, радостные белые лазоревки. Потом зашелестел высокий густой тростник. Ус хорошо слышал, как

шумит этот тростник и шелковистые метелки трутся друг о друга. Потом вдруг стало очень тихо.

— Здесь? — спросил Сашка.

— Пожалуй, здесь, — отозвался Арсентыч.

Сашка поднял Уса и опустил в воду.

Вода показалась Усу ласковой и спокойной. Перед ним открылось гладкое озеро со множеством притоков. Во все стороны расходились узкие, заросшие рогозом заливы. Как много здесь удобных и уютных мест! Ус поплыл в сторону солнца. Потом повернул навстречу легкому течению. С каждым новым гребком силы возвращались к нему.

Ус плыл против течения узкой проточки. Высокие камыши смыкались над головой. Проходы между стеблями выводили к уютным заводям. Ус крутился среди заводей, грыз корешки, отдыхая на рыжих кочках.

Высоко пролетали стаи. Голоса их звенели над камышами всё ближе и ближе.

Неожиданно он услышал писк, призывный, нежный и томительный. Серебристый Ус вздрогнул, и все в нем замерло. Он весь стал одним большим ухом. Он слушал камыши всем телом, каждой ворсинкой своей пушистой шубки. Писк повторился снова. И тогда Ус бросился навстречу ему, разрезая воду и ломая сухие стебли.

На кочке, за камышинами, он увидел нежную гладкую самочку. Кажется, она давно наблюдала за ним.

Они поплыли рядом.

Перед ними открывалась привольная камышовая страна — Жельтуранга.

РАССКАЗЫ

МАНГАСКА

Оба они уже стары: чабан Макарим и его нелюдимый пес Мангаска. Все чаще старику по ночам не спится и ломит в суставах. К отаре тогда выходит его сын Акжол. Все чаще по утрам Макарим сидит у юрты на кошке в окружении внуков и аульной ребятни, которая все лето проводит на джайлау. Дети любят Макарима. Он знает много интересных историй про птиц и зверей, сказки о добрых батырах и горных духах. И слушать их сладко и страшно у шестиглавого Алтынкуса, среди каменных развалин, поросших низким корявым кедром.

И эту историю тоже рассказал Макарим в одно холоднее июльское утро, когда женщины уже подоили кобылиц, когда отары разбрелись по склонам Алтынкуса, а ребятня, попив чаю с баурсаками, решала, то ли играть в альчики, то ли пойти в табун и устроить байгу.

* * *

Большая серая волчица знала Алтынкус и все, что делается там, внизу, на джайлау. Прежде чем спуститься, она наблюдала за людьми из черной расщелины в скале. Если бы ее могли увидеть ближе, то не называли бы ее Большим волком, а дали ей имя — Одноухая: ухо она потеряла в драке с чабанскими псами.

Волчица тогда была молода и неопытна. Она надеялась на свою молодость, силу и лезла напролом. Позже Одноухая научилась быть осмотрительной и осторожной. Она презирала шумных сторожевых псов, которые искали драки, не ввязываясь, как бывало раньше, в потасовку, но, огрызаясь, отступала подальше в заросли, манила противника, путала следы, а потом бросалась на него.

Людей она боялась, но не питала к ним особой злобы. Она твердо усвоила: чтобы достать вкусное, сладкое мясо, надо подвергаться большой опасности. И человек был для нее этой опасностью, самой загадочной и страшной.

Она пробегала в поисках пищи много километров, отдыхала, резвилась. Но когда бы ей ни приходилось выйти на скалистый гребень и посмотреть в долину, Одноухая всегда видела человека в седле.

Запах овечьей шерсти и кизячного дыма дразнили ее. Прячась за скалами и кустами, Одноухая спускалась так близко, что могла хорошо разглядеть человека.

Человек был спокоен, нетороплив и ни от кого не прятался. Огромное стадо, которого хватило бы на долгие месяцы самой прожорливой стае, повиновалось его окрику и взмаху руки, а собаки ползали и ластились у его ног.

Она считала собак изнеженными, не способными добывать себе пищу. Разве хватило бы у собак терпения долгими часами подкарауливать добычу, сливаясь с землей, смирять свой голод?

...Лето выдалось сытное. Было много трав, ягод и разной дичи. Птичье и звериное потомство быстро набирало силы. Забыв осторожность, выходили на лесные поляны и кабарга, и дикие маралы, словно должно было наступить всеобщее перемирие лесного

народа. Но многие поплатились за свою неосторожность.

...Одноухая подкарауливала отару под гребнем Алтынкуса. Она помнила, как они охотились с длинным волком, отцом ее выводка, и овцы тогда словно посходили с ума, лезли и давили друг друга, а они металась, разгоряченные. Одноухой хотелось снова пережить все это. От воспоминаний она дрожала, и шерсть у нее становилась дыбом.

День уходил, черные тучи накрыли каменную чашу. Алтынкус уже не разделял землю и небо. Темнота давила, словно хотела занять больше места. Каменной чаше уже было не под силу сдерживать ее. И вот небо раскололось и треснуло со страшным грохотом и вспышкой. В чашу упали перезревшими ягодами тяжелые капли теплой влаги.

Одноухая будто ждала сигнала. Она заскользила вниз по склону быстро и бесшумно, как умеют только волки. Густой запах приятно щекотал ноздри. Не слышно было ни собак, ни человека, а черная крыша неба своей тяжестью придавила к земле отару. Овцы стояли примолкшие, голова к голове, и как будто чего-то ждали.

Волчица выпрямилась и застыла, не сводя глаз с отары. Но вот она выбрала жертву, и сразу мышцы у нее собрались и сжались стальной пружиной.

В два прыжка она была уже на спине крайней овцы. Подмыв ее под себя, она рванула за горло, впиваясь зубами в мягкую овечью шерсть. Глаза у нее вспыхнули жадной решимостью, она снова вспомнила былые времена и длинного волка, который однажды не вернулся с охоты к логову.

Овцы шарахнулись, вокруг волчицы сразу стало пусто.

Вдруг вспыхнули молнии, раздался страшный гром,

и Одноухой сильно обожгло правый бок. Она нашла силы удержаться на ногах и успела схватить небольшого ягненка. Крепко стиснув зубы, волчица стала уходить рысью, скосив глаза на беснующихся собак, на чело века, посылавшего ей вслед короткие молнии, от грома которых каменная чаша готова была развалиться на части.

Одноухая, как всегда, быстро ушла от погони и только в зарослях смородины, на подъеме к Алтынкусу, она бросила ягненка и начала заливать правый бок, откуда, не переставая, сочилась густая, темная кровь.

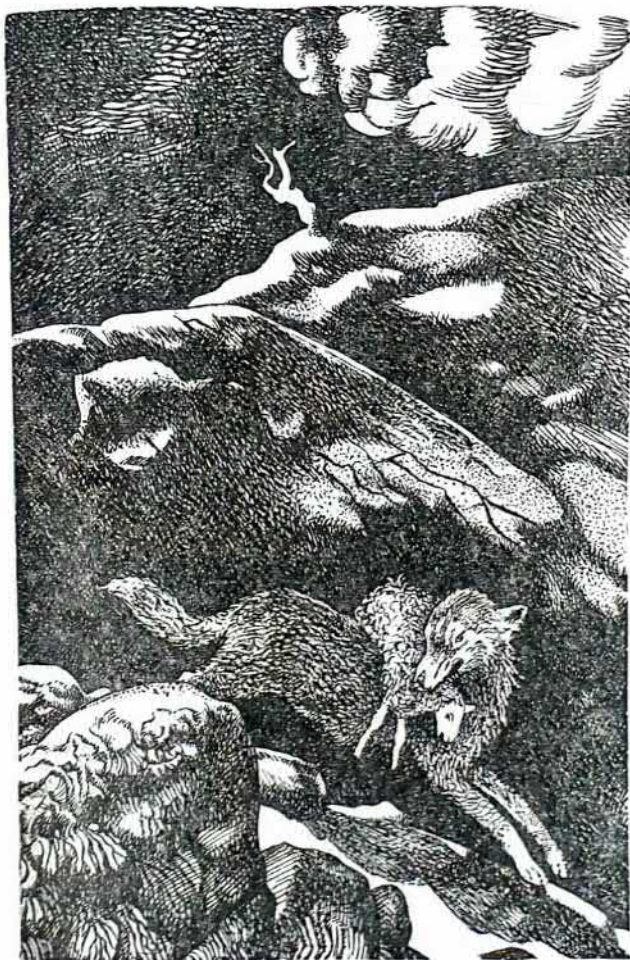
Ягненок зашевелился, заблеял и встал на тонкие трясущиеся ножки. Одноухая взяла его живым, куснув неглубоко в складку кожи с мягкой и длинной шерстью.

Волчица была матерью, и, как всякая мать, она думала о своих детях. Она кормила их уже и зайчатинной, и куропатками... Но разве может все это сравниться со сладким и жирным овечьим мясом? Она хотела, чтобы волчата оценили и запомнили этот вкус, чтобы жажда к овечьему мясу дразнила их и учила не бояться опасности.

Одноухой было трудно подниматься к вершине. Что-то горячее разливалось у нее внутри, мутная пелена закрывала глаза, а мышцы теряли стальную упругость. Она ткнула лбом ягненка и погнала его перед собой.

Черная крыша неба давно раскололась на неравные осколки, выглянула луна. Маленькая, тусклая, она выхватила из черноты ягненка и волчицу. Но Одноухая уже ничего не боялась: приближаясь к своим владениям, она хорошо путала следы.

Силы покидали ее, но все же у самого логова она по привычке остановилась и долго прислушивалась к шорохам, которые могли таить опасность.

Четыре волчонка дружно заскулили, когда Одноухая каждого лизнула в холодные черные носы теплым шершавым языком.

Занимался рассвет, и волчата, выползая из логова, повизгивали и просили пищи. Из правого бока волчицы сочилась кровь, и Одноухая зализывала ее, все больше слабая. Ягненок беззаботно щипал траву.

Одноухая хотела показать детям все приемы охоты, но смогла только, собрав последние силы, прыгнуть на ягненка пружинисто и резко, сбив его с ног. Это был последний ее прыжок.

...Мясо кончилось. Волчата посидели еще день и ночь. Они ждали, когда поднимется мать, но она не вставала. Тыкаясь в холодное тело Одноухой, они скулили и пытались сосать, но соски были холодные и сухие. Волчата сели и завyli тонко, по-щенячьи.

Голод гнал из логова, и волчата побрели в поисках пищи. Они скатились с крутого склона, больно ударившись об острые камни, и, повизгивая, поползли, пугаясь шорохов и прижимаясь к земле. Быть может, они не ушли бы далеко так сразу, но в нос им неожиданно ударил знакомый запах овечьей шерсти, и они вспомнили вкус мяса. Волчата слепо ринулись навстречу этому влекущему запаху, свесив красные языки и взвизгивая при каждом падении. Они спустились к ручью, стали шумно лакать воду, фыркая и плескаясь.

Из кустов выпорхнула куропатка, и двое волчат ринулись за ней. Они видели, как это делает мать. Двое других уже перешли ручей и потеряли запах братьев, а потом совсем забыли о них. В нос им резко ударили другие запахи, знакомые и тревожные. Волчата затаились: прижались к земле и стали выжидать.

Когда перед ними выросли две большие мохнатые морды, волчата окончательно растерялись. Собаки за-

ливались зло и норовили укусить за шею. Волчата оцепенились и скалили белые молодые зубы.

Затрещали кусты, и вышел человек. Он прогнал собак и набросил на волчат мешок. Щенки бились и скулили, а потом замерли от незнакомых звуков и запахов.

...На следующий день одного щенка, того, что был крупнее и злее, забрал в поселок заезжий ветеринар. А тот, что был послабее и спокойнее, с черной меткой на правой лопатке, остался у пастухов и был выкормлен оценившейся собакой.

* * *

Солнце высоко поднялось над Алтынкусом. Подсохла роса на джайляу. Макарим закончил рассказ. Он встал и, не торопясь, отвязал от столба смирную гнедую лошадку и, кряхтя, залез в седло. Старик медленно поехал к отаре в сторону хребта, чтобы сменить Акжола, которому пришло время попить чаю.

Мангаска тоже поднялся и привычно затрусил позади лошаденки.

Длинное сухое тело его слегка покачивалось из стороны в сторону, куски свалывшейся шерсти на впадинах боках цеплялись за колючий репейник. И все, кто слушал Макарина, с удивлением заметили, что там, где начиналась правая передняя лапа, у самой лопатки, мелькает круглое черное пятно. На него только сейчас обратили внимание, хотя старый Мангаска, который притупил зубы в драке с волками и чужими собаками, был всегда на виду и много раз, как сейчас, пробегал мимо людей к шестиглавному Алтынкусу.

ПЕЩЕРА ЧЕРНОЙ ТОРОПЫГИ

За железнодорожным мостом через реку Или грузовик резко свернул вправо.

Ровная лента асфальта оборвалась. Под колесами запылился белый мелкий песок. Вокруг лежала настоящая пустыня. Дрожала на ветру верблюжья колючка, зеленели редкие кустики саксаула, кружили яркие бабочки. Вспыхивали огоньками желтые цветы. В стороне от дороги важно паслись верблюды. Они поднимали головы и, шевеля мягкими губами, надменно смотрели на грузовик и людей.

Группа студентов-альпинистов направлялась на скалы Тамгалы-Таса. Борька попросился у старшего брата взять его с собой и сейчас ехал вместе со всеми.

Было то короткое время, когда пустыня принарядилась от обилия влаги и ласкового тепла. Солнце еще не иссушило землю, не выжгло зелень. Каждая веточка, каждый кустик, насекомые, птицы, ящерицы — все вокруг радовалось жизни и славilo весну.

Грузовик накренился и круто пополз вниз. Перед Борькиными глазами открылась глубокая котловина с острыми черными скалами. Скалы стояли как мрачные сказочные терема. Безветрие и теплый густой воздух берегли тишину. Только где-то на вершине клекотал орел. Машина шла вдоль отвесных стен, объезжая большие плоские камни. В скалах на разной высоте темне-

ли отверстия. Оттуда срывались и вылетали черные птицы. Они рассаживались на каменных уступах и глядели на гудящий грузовик.

Борьке сказали, что отверстия в скалах намыла вода. Много веков назад здесь все было затоплено, а потом вода отступила и осталась только река Или. Сейчас в самые сильные разливы она едва доходит до подножия скал. Здесь почти не бывает ветра. Вдоль берега в ущельях много сочной травы и камыша. В этих местах проходили караванные тропы, зимовали кочевники со своими стадами.

Машина выползла из узкого коридора и покатила вдоль берега. Вода в реке мутная и белесая. Она несет много ила и глины. Или течет через желтую пустыню, слизывая берега и барханы, разбиваясь на множество рукавов в тугайных зарослях, где живут кабаны, лисы, камышовые коты-манулы и много других диких зверей. Лет пятьдесят назад здесь, в камышах, еще встречались тигры.

Грузовик въехал в узкий каменный коридор. Борька увидел зеленую поляну, окруженную с трех сторон высокими отвесными стенами.

Альпинисты взяли веревки и пошли на свои знакомые места. Станные люди эти альпинисты. Они радуются, как маленькие, когда перед ними скала, на которую и смотреть страшно. Они долго стоят задрыв головы, рассматривают скалу, ее уступы и выемки, а потом один навешивает веревку для страховки, и смельчаки, сливаясь со стенкой и царапая ладони, карабаются вверх. А потревоженные птицы кружат, кружат...

Борька долго смотрел, как альпинисты тренировались, потом ему надоело, и он побрел к реке. Только недавно прошел ледоход. На берегу лежали черные глыбы ноздреватого льда, медленно съедаемые солн-

цем. Река казалась застывшим озером. Близкие скалы отражались в желтой воде.

Борька шел по узкому каньону, все дальше удаляясь от берега.

Каньон врезался в скалы. Уступы-ступеньки уводили вверх. Борька несколько раз подтягивался на руках, чтобы забраться на очередную ступеньку. Солнце поднялось высоко. Было душно, парило. От редких кустарников, свисающих из расщелин, исходил приторный сладкий запах. Кружилась голова. Между теплыми каменными стенками в зловещей, настораживающей тишине металась зеленая муха и гудела, как самолет. Перед самым Борькиным носом со страшным хлопанием сорвался жирный голубь и тяжело потянул из мертвого коридора вверх, в синее небо. Борька вздрогнул от неожиданности. Сердце его застучало сильно-сильно.

Брат рассказывал ему, что на скалах, в норах, живут ядовитые змеи-щитомордники, что встречаются опасные для человека пауки-каракурты. Весной они выползают из нор и греются на солнце. Нужно быть осторожным и смотреть под ноги. Борька мог повернуть обратно, выйти на лужайку на берегу реки и ждать, когда альпинисты закончат тренировку. Но каменный коридор манил своей таинственностью. Борька обязательно должен увидеть и пережить необычное.

Только он об этом подумал, вдруг слышит: ши-и-рк, ши-и-рк...

Борька застыл на месте, прислушался. Снова — ширк-ширк, будто кто осторожно крадется по щбенке. Дыхание перехватило. Ни ножа с собой не взял, ни палки под рукой нет. Присел Борька на большой камень, прижался к нему, слушает. А у самого сердце готово выскочить. Немного погода снова — ширк-ширк... Что за зверь такой странный на месте топчется? Взял Борька острый длинный камень, забрался на ступень-

ку выше, пролез через колючий кустарник и уперся в глухую стенку. А в стенке большое черное отверстие. Пещера! Любопытно Борьке стало, так любопытно, что даже страх прошел. Сунул он туда голову и замер. Глаза привыкли уже к темноте, и Борька увидел разбросанные старые кости и горки птичьего помета. В глубине пещеры капала вода, пахло сыростью.

Вдруг как ударит по лицу, как зашипит пронзительно... Борька отшатнулся в ужасе, зажмурил глаза, замахал руками, отскочил от пещеры и приготовился отбивать нападение. Но никто не показывался, не пищал и не ширкал. «Все равно не уйду,— решил Борька,— пока не узнаю, кто там камнями стучит и в лицо бросается». Борька снова заглянул в черное отверстие. Внимательно осматрел пол, стенки, глянул на потолок, и показалось, что ему подмигивают. Крохотным таким глазком, как искоркой: мигнет и погаснет. Пригляделся Борька внимательно и видит: звереныш лопоухий висит вниз головой и косит одним глазом. Да ведь это летучая мышь! Сколько раз он их на чердаке ловил... Совсем безобидные твари. Целый день в спячке, зацепятся коготками за какой-нибудь выступ и висят вниз головой, коротают день, а вечером вылетают на охоту за ночными насекомыми. Как же он сразу не узнал писка летучей мыши?

Вдруг снова — ширк-ширк под самым ухом. И гулко так звук разнесся по всей пещере. Повернулся Борька на звук и под большим камнем, что лежал у самого входа, заметил два круглых пятнистых предмета. Просунулся поближе... Черепахи? Ну конечно же, черепахи! Вот кто на него страх нагнал. Протянула Борька руку и вытащил черепах на свет божий. Сначала крупную, величистой с кепку, затем вторую — поменьше. Та, что с кепку, ленивая и пугливая, сразу втянула голову и лапы, затаилась под крепким панцирем. Мень-

шая не испугалась. Она суетливо вышагивала вокруг большой черепахи и норовила куснуть ее. Большая черепаха тихонько шипела и еще глубже пряталась в свой панцирь.

Взял Борька пленниц, поднялся из каньона выше пещеры, глянул вниз, увидел альпинистов, знакомую поляну и синий автобус. Добрался он чуть ли не до самых верхушек скал. Только альпинисты карабкались по отвесной стене, а Борька шагал по каменным уступам. Закричал Борька, поднял над головой трофей и начал спускаться.

Большая черепаха, тяжелая, как булыжник, так и не раскрылась. А вторая, вытянув змеиную головку, крутила ею во все стороны, загребая воздух лапашками, норовя вывернуться. Дважды она царапала Борькину руку острыми коготками.

Борька спускался легко и уверенно. Свежий ветер с реки дул в лицо. Под ногами среди камней тряслись на тонких коротких ножках белые подснежники, кружились бабочки. Было светло, радостно и празднично от щедрого солнца.

...Брат осмотрел черепах и посоветовал оставить ту, что поменьше. Она резвая и с приметной. На спинке черные пятнышки слились, и через весь панцирь проходит полоска, словно разделяет его надвое.

Черепаху окрестили Торопыгой. Когда возвращались домой, она суматошно передвигалась в кузове грузовика, тыкаясь в углы, ползала под ногами.

Пыльную дорогу в разных местах перечеркивали длинные ровные полосы — черепашины следы. В семействе черепах было необычное оживление. Через месяц они отложат в горячий песок яйца, а еще через месяц появятся на свет маленькие черепашки.

Торопыгу привезли в город и поселили на втором этаже, на кухне, в картонной коробке из-под обуви.

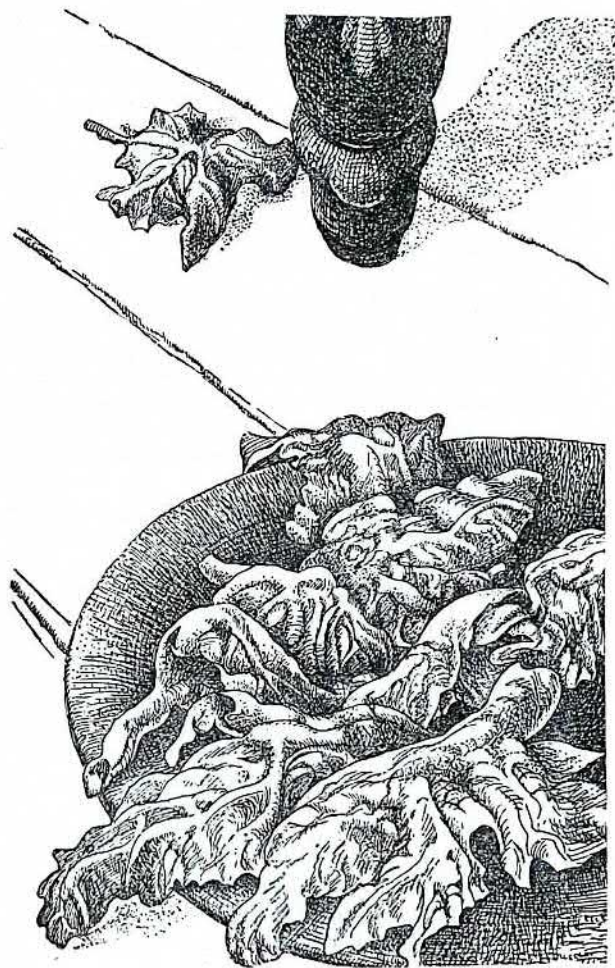
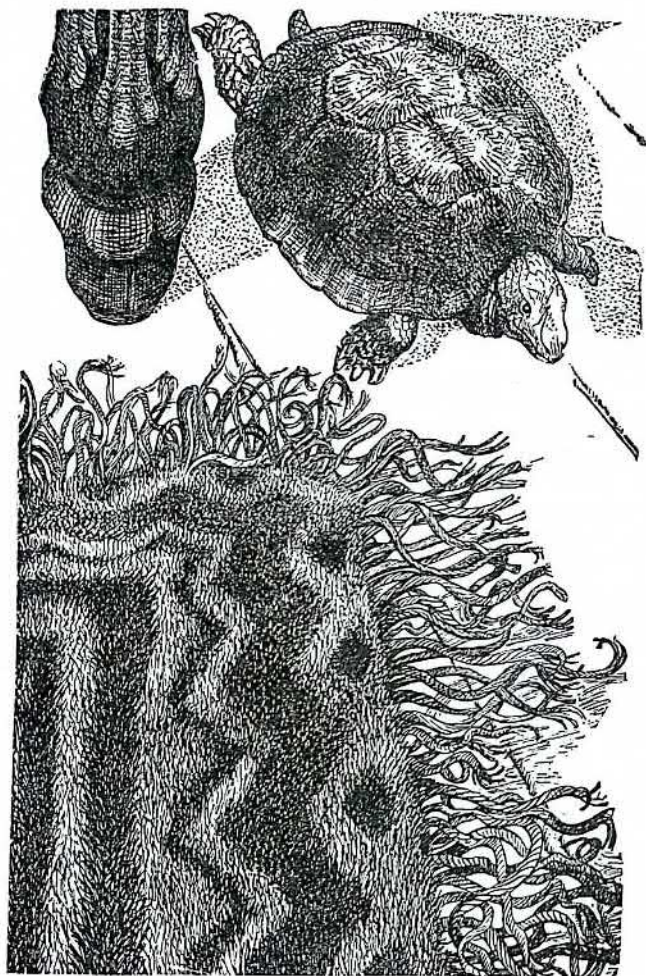
Борька положил туда свежего клевера и желтых одуванчиков, налил воды в крышку и поставил рядом. Торопыга ничего не ела ни в первый день, ни на второй, ни через неделю. Ей давали молока, простоквашу, ставя крышку перед самой мордочкой. Но она, не обращая на еду внимания, шла напрямик, как танк, переворачивая крышку. Торопыгу уже два раза теряли. Она находила в квартире потаенные углы и дремала, даями не подавая признаков жизни.

Ночью Торопыга обычно бродила по квартире, гремя панцирем. Борька просыпался и закрывал ее на кухне. У Торопыги была странная привычка: она никогда не ползала на открытом месте — посередине комнаты. По карнизу, боком Торопыга пыталась карабкаться на стену, обдирая известь и штукатурку. Иногда ей удавалось, упиравшись лапами и панцирем, подняться от пола сантиметров на двадцать. Она висела беспомощная, пока Борька не выручал ее.

Торопыга родилась в скалах и не могла принять ровного пола. Она искала для себя работы и пыталась рыть нору в углу комнаты.

Вечером Борька выносил черепаху на улицу. Торопыга ползала по траве, замирая и вытягивая шею, прислушиваясь к странным звукам. Она пыталась уползти в укромное место, не обращая внимания на траву и цветы.

В квартире она безошибочно угадывала запах улицы. На нее несколько раз натыкалились у входной двери, когда возвращались домой, хотя в квартире было много других дверей. Она торопилась в соседнюю комнату, когда там открывали балкон. Однажды, ухитрившись перелезть через высокие цветочные ящики, Торопыга свалилась с балкона. Она лежала на клумбе и, вытянув головку, отчаянно дергала лапами. Но все же Торопыга нашла силы перевернуться.

Прошел месяц, зацвели сады, прилетели птицы и стали строить гнезда. За все время Борька ни разу не видел, чтобы Торопыга съела хоть одну травинку. Через день он менял траву в картонной коробке и ставил рядом свежую воду.

Торопыга все так же неугомонно бродила ночью по комнатам и царапала стены. Мать несколько раз выговаривала Борьке за черепаху и требовала, чтобы Торопыгу отпустили на волю.

Борька привык к черепахе. Когда он брал ее в руки и гладил указательным пальцем кончик носа, она не пряталась, а, наоборот, вытягивала морщинистую желтую шею и закрывала глаза. Шея у нее стала совсем тонкой и покрылась складками. И хотя Борька знал, что черепахи могут не принимать пищи даже полгода, он решил, что Торопыга очень похудела. Тем более, что полгода скорее приходится на зимнюю спячку, а сейчас весна.

Как-то в воскресенье сосед собрался на Или порыбачить. Борька понял, что пришло время прощаться с Торопыгой. Брат попросил соседа подбросить их до Тамгалы-Таса. Торопыгу положили в машину на сиденье. Всю дорогу она лежала, втянув голову и прикрыв ее жесткими лапами.

Тамгалы-Тас изменил окраску. Листья на кустарниках побурели, трава подсохла, воздух стал сухим и горячим. Борька осторожно взял Торопыгу, и они с братом пошли в каньон. Торопыга очнулась, завертела головой во все стороны, словно принюхивалась, загребла чешуйчатыми лапами. Вскрикивали над головой черные птицы, с разлету били в лицо воинственные кузнечики.

Не доходя двух шагов до пещеры, Борька опустил черепаху на землю. Торопыга замерла на мгновение, подняла вверх голову, сделала первый уверенный шаг,

потом дернулась вперед и быстро-быстро засемила в сторону пещеры, не останавливаясь и не оглядываясь.

Борька смотрел ей вслед и думал, что всякому живому существу хорошо только у себя дома. И пусть это даже маленькая, незаметная черепаха, ей хорошо в своем Тамгалы-Тасе.

...Альпинисты составляли карту прибрежных каньонов. Они нанесли на нее и пещеру у вершины скалы. Когда думали, какое дать ей название, вспомнили о Торопыге, о черной полоске на ее панцире, о том, как она рыла норы в комнате и карабкалась на стены, принимая их за родные скалы. И тогда на карте появилась точка: «Пещера Черной Торопыги».

КРЫЛАТЫЕ ФЛЕЙТЫ

Мне не приходилось встречать птицы осторожнее улара. Живет он высоко в горах, за зоной альпийских лугов, в скалах и на каменистых осыпях. У него острое зрение и тонкий слух. Часто за пеленой утреннего тумана приходится слышать пронзительный крик: «Уль-уль-уль». Где-то совсем рядом ему вторит другой, третий, будто невидимые музыканты играют на флейте.

И то, что эту тяжелую, величиной почти с гуся, серую птицу чаще удастся услышать, чем увидеть, окружает ее ореолом загадки и таинственности.

К улару почти невозможно подобраться незамеченным. Он слышит шорохи даже на противоположном склоне. Иногда, прячась за непогодой, можно подойти близко к скалам, где «улюкает» улар, но когда он затаится и надолго смолкнет, никакой, даже самый пытливый глаз не обнаружит его в скалах среди нагромождения бурых обломков, покрытых пестрым лишайником. Он не станет суматошно взлетать, как это делают другие птицы, а уйдет среди камней неслышно и быстро.

Улары менее осторожны весной, когда выводят птенцов или ходят с выводком. Тогда к ним удастся подползти на пятнадцать — двадцать метров.

Мно довелось видеть, как рыжий сурок гонял цыплят улара, которые были еще малы и не могли взлететь.

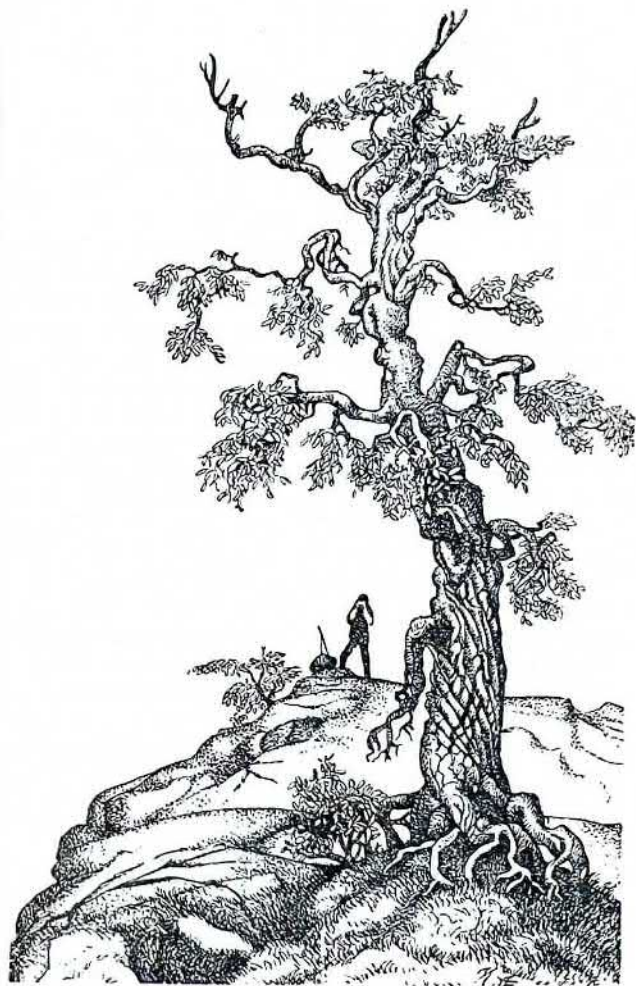
Самка улара взметнулась и, сильно хлопая, полетела перед самым носом сурка, нанося ему удары крыльями. Зверек бросил цыплят. Неторопливо и настойчиво большая птица заманивала его в сторону на крутизну, а потом взмыла вверх. Растерянный и запыхавшийся сурок нашел какую-то норку и скрылся между камнями.

Важная серая птица сделала круг над вершиной, села далеко в стороне за пестрым камнем и заклохотала тревожно и нежно. Скоро зашуршал щебень, и маленькие черные пушистые комочки птенцов потянулись к самке.

И еще мне удалось заметить одну закономерность. Улары держатся недалеко от горных козлов — теков. Вспугни теков на лежке, и, уходя стремительно вверх, они обязательно метрах в тридцати выше себя поднимут стайку этих птиц. Причем козлы уходят только в том направлении, куда улетаю улары. И птицы, в свою очередь, чувствуют поведение теков и слетают с первой тревогой в козлий стад.

Мне очень захотелось разглядеть птицу поближе. На седловине высокой вершины на плоском камне мы насыпали соль (улары очень любят соль) и поставили тонкую петлю. Рано утром мы пришли. На влажной от тумана земле отпечатались крестики больших сильных лап. Соль была поклевана, а в петлю никто не попал.

Только со всех сторон в рассветном тумане на разные голоса лились певучие трели невидимых флейт.

ТИШИНА

С Колькой, двенадцатилетним сыном бакенщика, мы отправились по узкой каменистой тропе к серым скалам, подальше от жилья. Только что стоял снег, и река была полноводной, хотя лежащая вокруг каменистая пустыня уже иссохла, и ветер гонял над ней желтую пыль. В полуразрушенных скалах вдоль берега зеленела короткая трава, кое-где торчали чахлые подснежники, совсем не похожие на своих горных и лесных собратьев. Их узкие плоские головки, похожие на семена тыквы, казались вылепленными из воска. Вот вспыхнет солнце — и они растают.

Мы поставили палатку высоко над берегом, под крутым каменным карнизом, где в узком черном провале ютилась пара диких голубей. Недовольные соседством, они долго трепыхали над нами. Выше в скалах гнездилась колония галок, беспокойных и скандальных, поднявших настоящий переполох при нашем появлении. Они кружили на почтительной высоте и орали во все горло. Казалось, птицы никогда не устанут.

Я нарочно хотел уйти подальше, чтобы отдохнуть ночью в тишине, а на рассвете поставить закидушки и встретить солнце. И на тебе, эти горластые птицы...

Мы пошли с Колькой за дровами на берег и скоро принесли щепы и даже досок, выброшенных водой. Я сказал Кольке, что неплохо бы поменять место, поискать что-нибудь потише.

— А где вы найдете тише и удобнее... Здесь ровненько и под самой стенкой. Ни дождя, ни ветра. А тишина — она везде тишина.

— Какая же это тишина, — досадливо сказал я. — Вот послушай.

Мы остановились. Галки тучей металась над нами и орала еще неистовее.

— Ничего не слышу, — сказал Колька.

— Как ничего? Ведь они орут, — и я поднял голову вверх.

— А-а-а... — наконец понял Колька. — Так ведь это галки, — и с удивлением посмотрел на меня.

От реки тянуло холодом. Несмотря на костер, мы продрогли и полезли в палатку. Попив чаю, Колька скоро уснул как убитый. Галки в сумерках утомонились. Но я не мог сомкнуть глаз. Волны били о крутой берег, подмывая его, куски земли с плеском шлепались в воду. Над головой постанывали голуби. В скалах зашвистел ветер. Песчинки пели в прибрежных колючках. Временами что-то падало, ухало, но я не мог понять что. Я не спал, медленно привыкая к незнакомым звукам. Скоро монотонный плеск волны нагнал дрему.

Я проснулся оттого, что Колька тормозил меня за плечо.

— Кто-то ходит по берегу, — тревожно сказал он.

— Пусть ходит, — ответил я, — нас же не трогают.

— Да, но здесь никого не бывает ночью.

Колька прав. Вокруг пустыня. Ближайшее жилье — домик бакенщика, и то за несколько километров. Я сел, прислушался. Еле-еле плескалась вода.

— Тебе почудилось.

— Нет, — упрямо сказал Колька. — Ходит. Галка на берегу — крык-крык. Надо посмотреть.

Я расстегнул полог палатки. Пальцы сразу озябли, потянуло холодком.

— Эй, кто там?— крикнул я в черноту.

Тишина не ответила.

— Знаешь что, давай спать.

— Нет, кто-то ходит,— заворочался Колька и сел.— Слышите, снова — крык-крык...

«Ну, дал мне бог попутчика: то спит, хоть из пушки над ухом пали, то от шорохов просыпается».

Выглянул я из палатки — черным-черно. Огляделся по сторонам, и почудилось мне, что на том берегу на скалах огромные светлые тени пляшут. Протер глаза — пляшут. «Экая ерунда,— думаю.— Привидения». А привидения извиваются, качаются и пропадают.

— Коля,— зову я,— посмотри, что там.

Сам из палатки выползаю, встаю на ноги. А как встал во весь рост, так и увидел. Костер на том берегу. Такой радостный, яркий, и отсветы от него по всем скалам.

— Не одни мы с тобой такие умные,— говорю Коле.— Люди вон куда забрались.

— Я и слышу: крык да крык. А это, значит, костер трещит.

Прислушался я, и действительно, дрова в костре часто потрескивают. Оттого и огонь такой веселый. Река скалами стиснута. И всякий звук здесь как в трубе. «Кры» — будто кто осторожно ступил на гальку и замер. «Крык» — другой шаг сделал. И снова молчок.

Мы смотрели на чужой костер, а у самих зуб на зуб не попадал. Тогда мы раздули тлеющие поленья, и скоро костры стали перемигиваться через реку.

— Как же так? — спрашиваю у Кольки,— галки и все остальное тебя не тревожит, а маленький шорох — и ты проснулся.

— А галки и есть тишина. И все остальное — тишина. А ведь костра не было. Его зажгли — и я проснулся. А галки — те всегда были.

Рыбачили мы допоздна.

Кончилось тем, что на закид взял большой сом и долго резал леской темную поверхность реки: все уходил вглубь, в тину. Но мы с товарищем все же вытащили черную скользкую рыбку и оставили на кукане.

И сейчас, проснувшись утром, я слышу, как бьется мой сом, плещется, норовит уйти. До солнца еще далеко. Можно еще подремать. Но комары набились под марлевый полог, пищат тонко и нудно, обжигают открытое тело. Утренний ветер волнами стелет сухую полынь, срывает и гонит лист из прибрежных зарослей.

Слух мой улавливает какой-то новый, непонятный для меня звук, неслышимый ранее. Нет, то не комариный зуд и не птичий гомон, не песня сверчка или кузнечика. И гул контрабаса, и пение скрипок, и приглушенный далекий звук трубы слышится в этой монотонной песне. Невидимый оркестр долго и надрывно тянет на одной ноте, потом звук резко меняется, словно лопнула звонкая струна, и вот воет, как печная труба в пустом доме.

Я откидываю марлевый полог и вижу хмурое свинцовое небо, и серебристый изгиб реки, и волны полыни, подгоняемые ветром. И кажется, что непонятный звук приходит вместе с волнами. Я поднимаюсь, иду за волнами к невидимому оркестру и выхожу к оврагу. Он

зарос красноталом и вязом, торчит на дне его разбитая сосна с рыжими иглами. С поля тянет к реке ветер, срывая последние листья, и дрожат скелеты деревьев. Скрипит треснувшая сосна, и упругие ветви краснотала гудят, будто провода.

Я иду от оврага к реке, довольный простотой открытия, и мне почему-то радостно, что услышал и заметил эти, в общем-то, негромкие звуки.

Перед дождем у меня клонули на хлеб еще два сазанчика-середнячка. Сом дремал, а деревья пели.

Позже я не раз приходил на это место и заметил, что деревья вступают в оркестр осенью, когда сбросят одежды; реже — весной, но в разное время по-разному. И звуки, которые я услышал в то поющее утро, когда на моем кукане дремал черный сом и красноперые сазаны, широко раскрыв рты, ловили тяжелые дождевые капли, — звуки эти, мне кажется, больше никогда не повторились.

Все цветы по-своему прекрасны. Но больше всего люблю мне сирень. Принесешь в дом букет после короткого теплого дождя, и сразу в комнату будто весна пришла. Ищешь «на счастье» пять лепестков на цветке, а у самого голова кружит от тонкого нежного аромата.

Похожа на белую сирень черемуха. Недаром говорят: «сирень-черемуха». Но у той запах приторный, сладкий, дурманящий.

У нас на юге Казахстана черемуха встречается редко. Может, поэтому увидел я ее гораздо позже других растений. Ведь человек сначала узнает только то, что растет около его дома.

Приехал я работать в незнакомый мне край. В свободный день пошел на берег большой реки. Лодки по воде скользят. Баржи проходят. Чайки плюхаются в воду.

Впжу, плывет вдоль берега белая полоса. Снег не снег, лед не лед. Откуда им быть? На дворе май. Птицы на гнезда сели. Все вокруг цветет. Вон и дальше белые точки на воде серебрятся. И справа, и слева, и посередке — будто всю реку накрыли сеткой с белыми чешуйками.

— Красиво?

Обернулся — рядом мальчонка стоит, лет десяти, конопатый, серая кепочка на ухо съехала.

— Очень,— согласился я.— Только никак не пойму, что это там белое вода несет.

— А я знаю,— говорит мальчонка.

— Так скажи.

— Не скажу, а покажу.

И он повел меня вдоль берега. Шли-шли мы, прошли три холма, два оврага и выбрались к неширокому ручью. Стали в ложинку углубляться, с камня на камень перепрыгивать. Вокруг осина стоит: лист еще не выбросила, почки набухли, ветви будто окутаны белым дымом — вот-вот вспыхнут от солнца зеленым пламенем. Дикая смородина-кислица кланяется ручью, пощипывает свои сережки. Марьяны корни вытянули тугие головки, в чашечках незабудок хрусталиками роса светится, жаркие цветы оранжевыми огнями полахают.

Томительно пели овсянки. В густой траве булькала перепелка, серые дрозды кричали и металась перед самым носом — наверное, где-то рядом птенцы у них. А соловей как защелкал, так всех забил. Выведет мелодию, замолчит, прислушается — и опять...

И вдруг я увидел, что вокруг белым-бело. И на деревьях белая кипень, и на траве, будто молоко сбежало, и вода в ручье в белой пене. А воздух настоен на сладких запахах, будто в парфюмерном магазине.

— Черемуха,— говорит мой проводник.

Снял он кепку, зачерпнул воды из ручья вместе с лепестками и напился. Я тоже набрал пригоршню воды. Там плавали белые лепестки. Вода была холодной, пахла черемухой.

Вот откуда снег на реке. Из оврагов и рощиц, с холмов и ложин бегут ручьи и несут черемуховый снег в большие реки.

Тогда я впервые увидел, как цветет черемуха, как осыпается снежной метелью под буйным весенним ветром.

ПРЯМЫЕ ЛИСТЬЯ

Сразу за зеленым джайляу поднималось каменистое плато, плоское, как стол, без малейших признаков растительности. Вдали снежные вершины манили свежестью. Плато дышало жаром раскаленного камня. Редкие травинки в трещинах скал высохли и пожелтели. Почти в самом центре этой горячей сковороды стояло одинокое дерево, низкое и невзрачное. Но пастухам и всем, кто случайно проезжал или проходил мимо, приятно было увидеть живую зелень среди камня. И люди, обманываясь, пытались отдохнуть в тени дерева. Но тень у него всегда была маленькой и узкой, человеку не укрыться, а тем более с лошадыю. Тень не появлялась утром, в полдень она была очень короткой и вечером тоже. Поэтому пастухи подолгу не задерживались под одиноким арчевником, а торопились скорее покинуть горячее каменистое плато.

Птицы редко залетали сюда, только на дереве свил почему-то себе гнездо дубонос с толстым черным клювом. Понравилось ему чем-то дерево. Дубоносиха снесла пять лилово-бурых яиц в крапинку, а к лету благополучно вывела потомство.

Один любознательный человек заинтересовался: почему же все-таки дерево прижилось в таком пекле и почему оно не дает тени? Он гостил у чабана на джайляу и каждый день в разное время дня приходил к де-

реву. Дубоносу это очень не понравилось. Он беспокойно летал рядом, скрипел и каркал вороной. Но человек не делал зла птенцам, и дубонос скоро привык к нему.

А человек прежде всего отметил, что арча растет в трещине, и корни ее, скорее всего, ушли глубоко в камень и, наверное, достигли какой-то подземной воды. Листья арчевника, узкие и плотные, не испаряли много влаги. И про то, почему тени нет, человек тоже догадался.

Утром, когда поднималось солнце, прямые и острые пики листиков смотрели в сторону восхода. Солнце делало свой путь по небосводу, и листья поворачивались ребром так, чтобы палящие лучи не обжигали их. Значит, и меньше воды испарялось в них, меньше драгоценной влаги теряло и дерево. Как маленькие локаторы, листики целый день следили за солнцем. И только ночью и в редкое ненастье они отдыхали.

Вот как дерево приспособилось, чтобы жить на горячем камне. Чтобы ни одна капелька зря не пропала. Людям приятно увидеть в пустынном месте живую зелень.

У птицы дубоноса на арчевнике дом и потомство.

А любознательный человек еще одну загадку разгадал.

Проснулся я ночью, а под окном хлоп да хлоп, шлеп да шлеп. Все ничего, если бы дома проснулся, а то в охотничьей хижине, среди тростников, за сто километров в округе никакого жилья нет. «Хлопай себе на здоровье,— думаю,— все равно не выйду».

А тут еще мыши возню подняли, сухарь на столе делают. Никакого сна. Накинул я фуфайку, отбросил ногой полено, что дверь подпирало, и вышел.

Небо над головой светлое, луна высокая, желтая, как лимон, а вокруг — сплошная стена тростников.

Обошел я вокруг хижины, прислушался. Вроде в тростниках прошуршало и стихло.

Кто это — рысь, кабан? Лучше уйти подобру-поздорову.

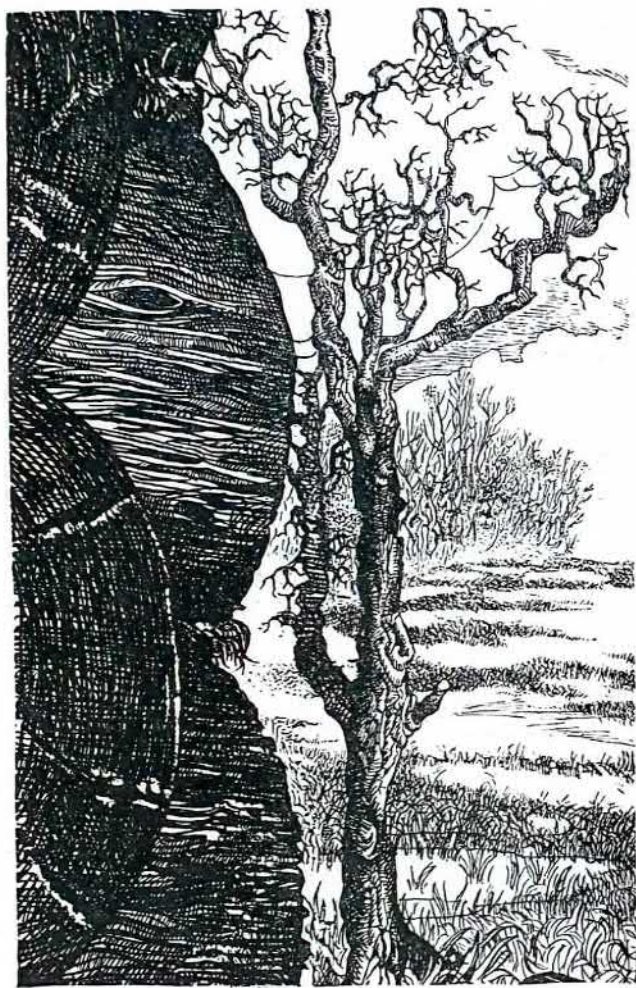
Никто уже не хлопал, а я все равно уснуть не смог.

На рассвете пришел грузовик, который вез соль рыбакам, и я уехал.

Следующую ночь провел у своего товарища в поселке. Ночи стояли теплые. Попросил постелить на сеновале.

Проснулся неожиданно, словно меня шилом в бок кольнули. В тишине слабо тарахтел сверчок, да за черными вербами пробовала голос лягушка.

Вдруг слышу — хлоп-хлоп, шлеп-шлеп... Что за наваждение! Кто меня преследует? Ну, думаю, сейчас

ты от меня никуда не денешься. Тихонько, чтобы лестницей не скрипнуть, спускаюсь с сеновала. Иду по грядкам, через смородиновые кусты. Усадьба без изгороди, дальше степь с оврагами, залитыми талой водой. Свечу фонариком под кусты, под кочки заглядываю. Зверь далеко не мог уйти — хлюпал совсем рядом. Рыскал я минут десять. Сапоги в грязи вывозил. И вернулся ни с чем. Все равно узнаю, что ты за зверь. Здесь не тростники.

Утром у хозяина спрашиваю:

— Кто там у вас на грядках хлоп да хлоп, шлеп да шлеп?

— Да это кот Мусей. Он у нас полуночник.

Вижу, через двор котиче идет. Рыжий, шерсть до земли свисает, уши во все стороны торчат.

— Ну и кот, всем котам кот!

— Не то что ваши городские, — отвечает хозяин. А потом объясняет: — Водится у нас в округе дикий камышовый кот. Мусей ему родственником приходится.

Вот кто меня будил и по ночам хлюпал. Теперь все ясно.

Попрощался я с хозяином, кота Мусея погладил. Тот спину от удовольствия выгнул. Какой ты ни дикий, а все-таки кошка есть кошка!

До станции путь не близкий. Едем мы на грузовике через степь. Еще солнце не иссушило землю. В ложбинах красные тюльпаны вспыхивают. Как ни свежо, но вода в радиаторе у нас закипела. Подъезжаем к первой попавшейся лужице. Шофер ведро достает, идем к воде.

Вдруг слышу за спиной — шлеп-шлеп, хлюп-хлюп... Смотрю во все глаза и вдруг вижу: от нас к берегу топчется маленький зверек, лапками по земле хлюпает. Смотреть на него жалко: весь перепачканный, шерсть

на нем потерлась, свалялась; идет еле-еле, с боку на бок переваливается, будто гуляка запоздавший. И смех и грех!

— Что это за личность? — спрашиваю у шофера. А сам-то уже догадался. Это или водяная крыса, или ондатра.

— Бобыль, — небрежно отвечает шофер. — Много их тут шляется.

— Что еще за «бобыль»?

— Сейчас все гнезда строят. А этот оказался лишним. Те, что посильнее, прогнали его. Вот он и идет дальше, ищет новое место. Придет к следующей речушке или озеру, а там его тоже гонят. Так идет бобыль от лужи к луже, от протоки к протоке. Иногда далеко уходит, за много километров.

Я смотрю на маленького жалкого зверька, ковыляющего по степи, которой нет ни конца ни края. Куда он идет и что его ожидает впереди? Нюх у ондатры нечуткий, зрение слабое, одна надежда — осторожные уши. Но попробуй с их помощью перехитрить всех врагов! И лунь камышовый котиче вострит, и зубастый хорек, и степные хищные птицы, и лиса... Встретят — не упустят.

А бобыль все идет, идет...

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕЛЬТУРАНГА. Повесть 5

РАССКАЗЫ

Мангаска	58
Пещера Черной Торопыги	68
Крылатые флейты	78
Тишина	82
Поющее утро	85
Черемуха	87
Прямые листья	89
Бобыль	91

Для среднего возраста

Эдуард Олегович Мацкевич

ПЕЩЕРА ЧЕРНОЙ ТОРОПЫГИ

Повесть и рассказы

ИБ № 1710

Ответственный редактор *Н. С. Будюкина*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*. Технический редактор *Е. М. Захарова*. Корректоры *В. В. Борисова* и *Л. А. Рогова*. Сдано в набор 14/IX 1976 г. Подписано к печати 2/II 1977 г. Формат 84×108¹/₂. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-пзд. л. 4,09. Тираж 75 000 экз. А03727. Заказ № 4237. Цена 27 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1. Рославльполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Мацкевич Э. О.

М36 Пещера Черной Торопыги. Повесть и рассказы.
Рис. А. Иванова. М., «Дет. лит.», 1977.

96 с. с ил.

В книгу входят: повесть «Жельтуранга», рассказывающая о жизни оидатрового племени, о походах и характерах этих зверьков, и рассказы о природе Алтайского края.

М 70803—236
М101(03)77—265—77

P2

Цена 27 коп.